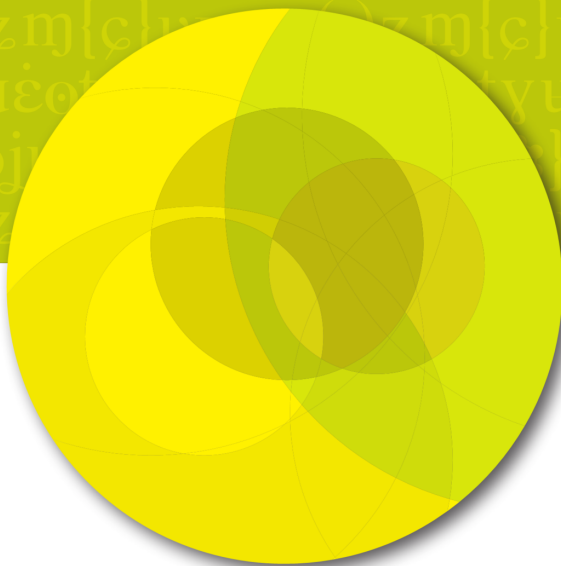

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

С.А. Сафронов

«ПЬЯНЫЙ ВОПРОС» В РОССИИ
И «СУХОЙ ЗАКОН» 1914–1925 годов

Том 2. ОТ КАЗЕННОЙ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ
С.Ю. ВИТТЕ ДО «СУХОГО ЗАКОНА»

Сергей Алексеевич Сафронов
«Пьяный вопрос» в России
и «сухой закон» 1914-1925
годов. Том 2. От казенной
винной монополии С.Ю.
Витте до «сухого закона»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40129042

«Пьяный вопрос» в России и «сухой закон» 1914–1925 годов Т. 2. От казенной винной монополии С.Ю. Витте до «сухого закона» : ISBN 978-5-7638-3601-1, 978-5-7638-3600-4

Аннотация

Во втором томе монографии рассматривается следующий период питейной политики российского государства: от казенной винной монополии до «сухого закона» 1914–1925 гг.; уделяется внимание становлению и деятельности казенной винной монополии министра финансов С.Ю. Витте; освещается деятельность правящего класса в России в деле борьбы с пьянством; исследуется формирование идеологии введения «сухого закона» в России и его действие в период Первой мировой и Гражданской войны, а также во времена НЭПа;

исследуются причины отмены «сухого закона». Предназначена для аспирантов, преподавателей и научных работников.

Содержание

1. Подготовка казенной винной монополии	5
1.1. Александр III – царь-националист.	5
1.2. Николай II – «маленький царь большой империи». Причины трагедии на Ходынском поле во время коронационных торжеств – водка или случайность?	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

С.А. Сафронов

**«Пьяный вопрос» в России
и «сухой закон» 1914–1925
годов Т. 2. От казенной
винной монополии С.Ю.
Витте до «сухого закона»**

**1. Подготовка казенной
винной монополии**

**1.1. Александр III –
царь-националист.**

Завершение эпохи винного акциза

1 марта 1881 г. стало поворотным в истории России. В этот день был убит Александр II. Покушение произошло, когда царь возвращался после войскового развода в Михайловском манеже, с «чая» (второго завтрака) в Михайловском

дворце у великой княгини Екатерины Михайловны. Гибель «Освободителя», убитого народовольцами от имени «освобожденных», казалась многим символичным завершением его царствования, приведшем, с точки зрения консервативной части общества, к разгулу «нигилизма». Политические деятели правого крыла (в их числе К.П. Победоносцев, Е.М. Феоктистов и К.Н. Леонтьев) с большей или меньшей прямотой даже говорили, что император погиб «вовремя»: процарствуй он еще год или два, катастрофа России стала бы неизбежностью.

30 сентября 1881 г. Департамент государственной полиции направил губернаторам ряда регионов России циркуляр за № 5675, которые в свою очередь дали соответствующие распоряжения полицмейстерам и уездным исправникам. Причиной для беспокойства государственных чиновников явилось следующее обстоятельство. Департаментом государственной полиции было получено оперативным (негласным) путем сведение, что некие злонамеренные лица, именующие себя членами социально-революционной партии, в целях развития революционной борьбы с существующим государственным и общественным порядком открыли новую форму деятельности. Для более тесного сближения с народом они сосредоточили революционную пропаганду в питейных домах, которые старались приобретать на имена членов народнической партии. Данное обстоятельство не было плодом фантазии охранников закона и порядка. В де-

лах Департамента полиции имелись документы, подтверждающие данные сведения, в частности показания одного из осужденных по делу 1-го марта. Исходя из материалов дела директор полицейского департамента просил губернаторов усилить наблюдение за питейными заведениями и лицами, в них торгующими. Следует, однако, заметить, что при всей важности данного дела в полицейском циркуляре не было ни единого слова о каких-либо ограничениях в вопросе открытия питейных заведений или дополнительных требований, которые могли быть предъявлены к личностям их владельцев. Это не было компетенцией Министерства внутренних дел, это относилось к сфере Министерства финансов, и фискальные интересы государства не должны были пострадать. Поэтому указания губернаторам носили исключительно рекомендательный характер¹.

Коронация Александр III состоялась через 2 года – 15 мая 1883 г. До этого он вместе с семьей жил под охраной войск и полиции в Гатчине (после Павла I никто из царей там не жил). Александр III родился 26 февраля 1845 г. в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге. Он был сыном императора Александра II. Великий князь Александр Александрович был в императорской семье Романовых вторым сыном и предназначался к военной службе. Наследовать престол го-

---

¹ Мариупольский А.М. Государственная политика и питейный вопрос. Два фрагмента истории // IV научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2003. С. 112.

товился его старший брат Николай, который и получил соответствующее воспитание. В 1851 г. ему присвоили звание рядового (он даже стоял на часах у памятника Павлу I), в 1852 г. произвели в прапорщики, в 1855 г. – в поручики, в 1863 г. – в полковники. В 1865 г. назначен атаманом всех казачьих войск. В 1868 г. Александр Александрович стал генерал-лейтенантом. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он командовал Руцукским отрядом и получил 3 боевые награды.

В юности Александр Александрович был неловким, вечно спотыкался, все опрокидывал, был крайне застенчив, нелюдим, антиобщественен. Его дяди, особенно Константин Николаевич, третировали его, как невоспитанного (этого он не забыл после). С одним лишь старшим братом цесаревичем Николаем у него была нежная дружба. Внешностью, характером, привычками и самим складом ума Александр III мало походил на своего отца. Император отличался высоким (193 см) ростом. Некрасивый, мешковатый, ни в мать, ни в отца. Мускулист. По-русски писал неграмотно. Медленно соображал, мнение свое менял нечасто. В юности он обладал исключительной силой – пальцами гнул монеты и ломал подковы, вышибал плечом дверь, но с годами сделался тучным и громоздким, но и тогда, по свидетельству современников, в его фигуре было что-то грациозное. Держал себя холодно, отрывисто. Грубый. Был сторонником физических наказаний. Он совершенно был лишен аристократизма, прису-

щего его деду и отчасти отцу. Даже в манере одеваться было что-то нарочито непритязательное. Его, например, часто можно было видеть в солдатских сапогах с заправленными в них по-простецки штанами. В домашней обстановке он надевал русскую рубаху с вышитым на рукавах цветным узором. Отличаясь бережливостью, часто появлялся в поношенных брюках, тужурке, пальто или полушубке, сапогах.

Первоначально, Александр II намеревался женить наследника престола на имевшей репутацию красавицы датской принцессе Александре; но эти планы были расстроены усилиями британской королевы Виктории, которая поспешила женить на ней своего сына Альберта (впоследствии король Эдуард VII). Весной 1864 г. брат Александра – Николай Александрович (любимый сын Александра II) – отправился за границу и, находясь в Дании, сделал предложение датской принцессе Дагмаре; 20 сентября совершилась официальная помолвка. Перед свадьбой Николай Александрович отправился в путешествие по Италии, где почувствовал недомогание: после ушиба у него начались сильные боли в спине, от которых он вскоре слег и скончался в апреле 1865 г. Когда состояние здоровья старшего брата стало угрожающим, Александр Александрович поспешил к нему в Ниццу; по пути к нему присоединилась принцесса Дагмара с матерью. Они застали наследника престола уже при смерти; последний скончался в ночь на 13 апреля от туберкулезного воспаления спинного мозга. Александр Александрович был

провозглашен цесаревичем и наследником престола. Летом 1866 г. цесаревич поехал путешествовать по Европе и, между прочим, собирался заехать в Копенгаген к невесте покойного брата, которая приглянулась ему при первой встрече. 28 октября 1866 г. они венчались в Большой церкви Зимнего дворца. Дагмару назвали великой княгиней Марией Федоровной.

В молодости Александр Александрович был увлечен красавицей княжной Мещерской, на которой он хотел жениться. Это увлечение сблизило его с кузеном ее, князем Владимиром Петровичем Мещерским, а сближение это наложило глубокий след на царствование не только его, но и его сына. Уже будучи мужем бывшей невесты покойного брата, цесаревич Александр продолжал посещать нашумевшую «точку» (Мещерский – «точка»). В собраниях на Почтамтской улице (где жил князь В.П. Мещерский), затягивавшихся до поздней ночи, участвовали наставник цесаревича К.П. Победоносцев и друзья его детства – графы Шереметев и Воронцов. На этих литературно-политических радениях Александр III получил свое политическое крещение, давшее характер его царствованию. Радения эти и дружбу с князем В.П. Мещерским прекратил Александр II, по просьбе своей невестки Марии Федоровны, скандализированной, как и весь тогдашний Санкт-Петербург, предпочтением, которое цесаревич оказывал своему политическому другу перед молодой женой. Эта дружба возобновилась лишь после вступ-

ления Александра III на престол, т. е. через 16 лет.

Александр III вставал в семь утра, умывался холодной водой, облачался в крестьянское платье, сам варил кофе в стеклянном кофейнике и, наполнив тарелку сушками, завтракал. После трапезы садился за рабочий стол и принимался за свой труд. В распоряжении у него была целая армия прислуги. Но он никого не беспокоил. В кабинете у Александра III были колокольчики и звонки. Он не звонил в них. Некоторое время спустя к нему приходила супруга, два лакея приносили небольшой столик. Муж и жена завтракали вместе. На завтрак у них были крутые яйца и ржаной хлеб с маслом. Писатель, поэт, мемуарист и драматург Н.А. Кропачев вспоминал, что после доклада императору в его рабочем кабинете Гатчинского дворца, «прежде чем отпустить... из кабинета с милостивым пожатием руки, государь, подойдя к рабочему столу, надавил ногой находившуюся под ним пуговку, должно быть, от электрического звонка... это послужило сигналом, чтобы предложили ему позавтракать, когда он выйдет из кабинета. Так и было сделано. Завтрак был вкусный и сытный, водка в маленьких графинчиках, с расчетом по две рюмки на одного с vis-a-vis, и две порционные бутылочки: красного и еще какого-то крепкого вина, хереса или мадеры. За общим столом... сидели всего три или четыре osoby. Должно быть, это были дежурные придворные чины, в форме исключительно военной»².

---

² Кропачев Н.А. Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневни-

Личного секретаря и вообще какого-либо аппарата помощников у царя фактически не было, и массу «бумажных» дел ему приходилось «разгребать» самому. Рабочий день начинался с 8 часов утра, когда после краткой прогулки до завтрака Александр III принимал представлявшихся и доклады министров. Чиновники приезжали в назначенные дни или по вызову. Утренняя часть рабочего дня продолжалась до завтрака, который по традиции начинался в 13 часов. До 15 часов Александр III занимался у себя в кабинете, а с 15 до 17 часов прогуливался в саду с женой и детьми во всякую погоду; затем он отдыхал от 15–20 минут. В 19 часов подавали холодные закуски. Вечером ездили в театр, потом опять подавали холодные закуски. Обед был в 20 часов. Любимое блюдо – поросенок под хреном, соусы, кахетинское и румынское вино. На праздничный предновогодний обед 31 декабря 1885 г. «к собственному обеду с гостями» было заказано 25 бутылок различных алкогольных напитков. Ассортимент разнообразен: пять бутылок вина (две бутылки «Мадеры», бутылка «Хереса» и две бутылки «Шато-Лафита»), бутылка шампанского «Цесаревич», две бутылки с экзотическими напитками с родины императрицы Марии Федоровны (по бутылке «Шлоса» и «Аквавита датского») и три бутылки различных водок (по бутылке «Датского джина», «Кристалль» Кюмеля и «Английской горькой»). На десерт подали четыре бутылки ликеров (бутылка «Чая японского», бутыл-

ка «Кофейной эссенции», бутылка «Шартреза» и «Мараскина», и даже самодельную наливку от флигель-адъютанта графа С.Д. Шереметева. Кроме спиртных напитков к столу подавались пиво (3 бутылки), хлебный (3 бутылки) и яблочный (2 бутылки) квас, а также сельтерская и содовая воды³.

В обычные дни все было скромнее. Так, уже 1 января 1886 г. к «собственному» обеду подали всего 10 бутылок. Четыре бутылки различных вин (две бутылки «Шато-Лафита», по бутылке «Мадеры» и «Хереса»), бутылка шампанского «Цесаревич», бутылка пива и три бутылки кваса. 17 января 1886 г. к царскому столу в течение всего дня (завтрак, обед и ужин) подали 11 бутылок. Спиртного – только четыре бутылки (по две бутылки французского шампанского «Брон-Мутон Сегеж» и мадеры «Крона»), в остальных семи бутылках – различные квасы (3 бутылки яблочного и 4 – хлебного). Говоря о десятках бутылок спиртного, поданных к «собственному» столу, следует иметь в виду, что за этим столом, как правило, находилось до десятка человек, а в праздничные дни – и до нескольких десятков. Напитки могли подаваться «по требованию» и вне стола, по официальной формулировке – «в продолжение дня». Так, 2 января 1886 г. на «Собственный» завтрак и «в продолжении дня» заказаны бутылка «Английской горькой», две бутылки вина («Шато-Лафит» и «Мадера» 1883 г.) и бутылка портвейна «Регенсберг»

---

³ Зимин И.В. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь российского императорского двора. М., 2013. С. 151.

1859 г., всего пять бутылок. С 21 часа Александр III занимался делами в кабинете до 2 или 3 часов ночи. Его рабочий день продолжался до глубокой ночи; он не щадил ни себя, ни своих министров. По настоянию императрицы и врачей он дал слово, что будет заниматься только до 3 часов ночи, и приказал, чтобы ему напоминали о времени. Если Александр III не прекращал занятий, то камердинер должен был доложить второй раз, после чего он был обязан тушить свет, несмотря на протесты императора.

В 1880-х гг. одним из основных поставщиков пива и меда к Императорскому двору стал завод «Бавария». История «Баварии» начинается с 28 ноября 1863 г., когда утвердили устав Российско-немецкого пивоваренного акционерного общества «Бавария». На заводе работали немецкие мастера-пивовары на «родном» немецком оборудовании. Первую продукцию завод выпустил в 1865 г., а уже в следующем, 1866 г., на выставке в Риге его пиво получило серебряную медаль. К 1868 г. производство пива и меда на заводе достигло 600 тыс. ведер (1 ведро равнялось 12 л) в год на огромную по тем временам сумму в 400 000 руб. В 1893–1899 гг. «Баварию» полностью реконструировали: установили новое оборудование, провели электричество, построили новые цеха. В начале XX в. по количеству оборотного капитала «Бавария» занимала третье место в стране, уступая только заводу Калинкина в Петербурге и Трехгорному в Москве. В его ассортименте тогда были следующие марки пива: «Ба-

варское», «Столовое», «Мюнхенское», «Пльзенское», «Черное», «Бок-Бир», «Мартовское» и «Портер». С 1909 г. завод стал называться «Старая Бавария».

Кроме «Баварии» пиво к императорскому двору поставляло «Калинкинское пивоваренное и медоваренное товарищество», основанное в середине XIX в. в результате слияния двух старейших пивоваренных фирм – Крона и Калазета. Пивоваренный завод Абрахама Крона и Фридриха Даниельсона был основан в 1795 г. Свое пиво к императорскому двору фирма поставляла с 1805 г. Качество продукции было таково, что пивовары удостоились в 1818 г. награждения золотыми медалями с надписью «За полезное» для ношения на шее на аннинской ленте. В 1827 г. А. Крон (умер в 1828 г.) заключил трехгодичный контракт на поставку пива ко двору Николая I в объеме 346 бочек в год. Бутылка пива Крона обходилась тогда Дворцовому ведомству в зависимости от сорта от 37 до 56 коп. В 1829 г. сын А. Крона, Федор, продлил контракт на четыре года. В 1830-е гг. у фирмы на рынке появились сильные конкуренты, но Ф. Крон удерживал свои позиции при императорском дворе. В октябре 1840 г. он заключил очередной контракт с Придворной конторой, обязываясь «ставить к высочайшему двору с февраля 1841 года впредь в течение 2 годов, т. е. по 1 февраля 1843 г. пиво белое на манер английского первого и второго сорта, легкое и черное». В контракте отдельно оговаривались и качество пива, и его упаковка: «Какое бы количество сих сортов пива

не востребовалось для высочайшего двора, будет оно приготавливаемо самой хорошей работы, на собственном заводе моем. Вышеназванные сорта пива будут ставить к высочайшему двору в нарочито устроенных бутылках, на коих будут обозначены буквы «И» и «Д» (императорский двор)»⁴.

К концу правления Александра III удельные крымские имения «Массандра» и «Ай Даниль», в которых были разбиты виноградники, начали приносить доход. После поездки Александра III на Кавказ было приобретено Кахетинское имение, из которого в императорский погреб поставлялось знаменитое кахетинское вино, столь полюбившееся императору. В результате в 1894 г. «с виноградников» было получено свыше 400 000 руб. чистого дохода. Поскольку «оборот» бутылок в винных императорских погребах был значительным, то «движение» вин отслеживалось в огромных томах под названием «Опись винам и другим напиткам по императорским винным погребам». Как правило, ежегодно составлялось два тома, первый из них посвящался винам, второй – крепким напиткам. В томе, посвященном винам, все они разделялись «по главам»: бордоские красные, бордоские белые, бургонские красные и белые, рейн-мальвазейн, пеннистые вина, десертные вина, херес. В соответствующих графах указывалось название вина, его год, поставщик, стоимость одной бутылки, общая сумма закупленной партии ви-

---

⁴ Зимин И.В. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь российского императорского двора. М., 2013. С. 53.

на, и в последней графе указывался «расход» буквально по каждой бутылке. Например, с формулировкой «Употреблено к высочайшим и другим столам...».

После коронации Александр III подолгу жил в Петергофе и Царском Селе, а приезжая в Санкт-Петербург, останавливался в Аничковом дворце. Зимний дворец он не любил. В Подмосковье у него была резиденция – село Нескучное. Придворный этикет и церемониал при Александре III стали гораздо проще. Он сильно сократил штат Министерства двора, уменьшил число слуг и ввел строгий надзор за расходованием денег. Дорогие заграничные вина были заменены крымскими и кавказскими, а число балов ограничено четырьмя в год. Обсуждал с К.П. Победоносцевым вопрос о том, что на приемах слишком много выкладывается фруктов и конфет и гости всего съесть не могут. К.П. Победоносцев успокоил его тем, что гости много забирают с собой (он сам взял грушу и апельсин), и царь успокоился. Однажды Александр III увидел крестьянина, который вез воз метел на базар. Выяснил, что цена на метлы у него ниже, чем покупают в Зимнем дворце и купил весь воз за 10 руб. Однажды Александр III сам развесил картины в Аничковом дворце и сэкономил на оплате рабочему. При этом на подмазку хвостов для царских лошадей тратилось 30 тыс. руб. в год. Царица обожала танцы и устраивала у себя вечеринки, на которых, ворча и скучая, терпеливо высиживал царь. Рассказывали, что когда царица особенно увлекалась вальсами, царь

подзывал капельмейстера, шептал ему на ухо, и музыканты один за другим, прекращая игру, уходили, пока не оставался один тромбон, и спохватившаяся царица, топая ножкой, не прекращала танца.

Рассказывали такой случай: гигант любил крошечные комнаты, засиженную мебель, был рабом самых обывательских привычек. Чтобы удалиться от царственного великолепия Зимнего, Петергофского и Царскосельского дворцов, он поселился в скромной резиденции своего прадеда, Павла Петровича. И занял там верхние, самые маленькие и низкие комнаты. Ложем супругов служила старая, чуть ли не со времен Павла I не отремонтированная кровать. Вследствие разницы в весе, матрас ее скоро перекосялся, и Мария Федоровна с ее воздушностью скатывалась к супругу. Все просьбы ее о перемене матраса не имели успеха. И вот, однажды, в отсутствие мужа, она приказала заменить матрас. Вернувшись, улеглись и, очутившись не на привычной высоте, царь рассвирепел. Как смогли? Гофмаршала! Убрать! Давай старый! Царица плачет, царь бушует. Занимают прежние высоты. Инцидент исчерпан.

Людей Александр III делил на следующие категории: «жиды», «нежиды», «либералы», «нигилисты», «добрые патриоты», «православные», «иноверцы». К политике он свою жену и близко не подпускал. Во все его царствование не было случая, чтобы он решился на что-нибудь в области управления страной под влиянием жены. Когда Александр III ехал

по улице, то убирали народ и по улицам ходили переодетые агенты Охранки. Когда он ехал по железной дороге, то сгоняли целые корпуса. Пускали три поезда с интервалом в 15 минут, неизвестно было, в каком ехал царь. Также Александр III избегал праздников и официальных собраний. По воспоминаниям графа С.Д. Шереметева, в разговоре в привычном для него стиле он нелюбезно назвал министров «коровами». В марте 1881 г., уже после восшествия на престол, Александр Александрович в разговоре с А.А. Половцовым о необходимости правительственного единства, имея в виду министров отца, в том числе, очевидно, и тех, которые еще продолжали занимать свои посты, пренебрежительно заметил, что «до сих пор министры были такие, что с ними и совещаться не стоило»⁵.

В апреле 1881 г. великий князь Владимир Александрович рассказал министрам, бывшим в совещании у М.Т. Лорис-Меликова о том, что «в понятиях молодого императора сильно впечатлелась фраза, вырвавшаяся у покойного государя утром злополучного дня 1 марта, когда он, дав окончательное разрешение на предложения графа Лорис-Меликова, по выходе этого последнего из кабинета, сказал молодым великим князьям: «Я согласился, хотя не могу скрыть от себя, что мы идем по пути к конституции». Граф Д.А. Милютин, занесший этот рассказ в дневник, считал, что эти «вещие слова должны были глубоко запасть в мысли обоих

---

⁵ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 18. Л. 223.

молодых царевичей и приготовить почву к восприятию ретроградных теорий Победоносцева, Каткова и компании»⁶. В результате, по мнению С.С. Ольденбурга, «Александр III повел русский государственный корабль иным курсом, чем его отец. Он не считал, что реформы 1860–1870-х гг. – безусловное благо, а старался внести в них те поправки, которые, по его мнению, были необходимы для внутреннего равновесия России». Этот курс получил название – контрреформы.

29 апреля 1881 г. Манифеста Александра III «О незыблемости самодержавия», который фактически означал отказ от дальнейших либеральных реформ и определял новый внутриполитический курс, состоящий в укреплении традиционных абсолютистских начал государственной власти. 8 сентября 1881 г. было опубликовано «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». По нему устанавливалось два основных метода обеспечения государственной безопасности, очередность введения которых определялась степенью угрозы существующему государственному строю: а) усиленная охрана, которая вводилась на год, «когда общественное спокойствие в какой-либо местности будет нарушено преступными посягательствами против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ, или подго-

---

⁶ Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881 гг. М., 2005. С. 318; Астанков В.А. «Против совершившегося факта идти нельзя». Цесаревич Александр Александрович в последние месяцы царствования императора Александра II // Родина. 2013. № 8. С. 80.

товкой таковых, так что для охранения порядка применение действующих постоянных законов окажется недостаточным»; б) чрезвычайная охрана, которая вводилась на шесть месяцев, «когда такими посягательствами население известной местности будет приведено в тревожное настроение, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка»⁷.

По воспоминаниям одного из деятелей правого движения, действительного статского советника И.И. Кольшко, «у Александра III были два резко выраженные фобства: юдофобство и немцефобство... Кто внушил ему первое – неизвестно... сломить упрямство Александра III было невозможно. Русское революционное движение он приписывал еврейству. И хотя погромов не одобрял, но смотрел на них сквозь пальцы. После крушения у станции Борок, чудесно спасшийся, он схватил обломок подгнившей шпалы, и сунув ее под нос оторопевшего тогдашнего Министра путей сообщения Посыета, проворчал: "Вот вам ваши жидовские дороги!" (Сеть южных дорог тогда принадлежала евреям братьям Поляковым). Юдофобство Александра III... было тем страннее, что он вверил свою жизнь еврею доктору Захарьину и чутко прислушивался к голосу Каткова, связанно-

---

⁷ Ермаков В.А. Подготовка нормативной базы для обеспечения государственной безопасности в период правления Александра III // Политическая Россия: прошлое и современность. СПб., 2009. Вып. 6. С.37–50.

го дружбой с Поляковыми. При нем не мог иметь места Союз русского народа, как и все, выросшее из юдофобства и черносотенства. Остается предположить, что эта черта, наложившая тень на все его царствование, явилась следствием сгущенного, в противовес царствованию Александра II, национализма»⁸.

Далее И.И. Кольшко продолжал: «Этот сверхнационализм, как единственная самобытная опора царствования, лежал в основе и его герmanoфобства. В пору франко-прусской войны Александр III, тогда еще юный наследник, не называл пруссаков иначе, как «свиньями», предсказывал близкий реванш французов и стал в антагонизм с тогдашним русским правительством и особенно с военным министром Милютиным, опасаясь воинской поддержки немцам. Став царем, он не замедлил изменить внешний вид онемеченных русских войск, удалил от дворца немецких выходцев и повел антинемецкую политику. Отдавая дань уважения своему дяде Вильгельму I, Александр III не выносил Вильгельма II и не мог простить Берлинского трактата Бисмарку. Чтобы не встречаться с железным канцлером, он ездил в Данию морем, а когда вынужден был проезжать через Берлин, на все ухаживания Бисмарка отвечал суровой холодностью. В Эймсе, куда Вильгельм I послал своего внука поухаживать за русским

---

⁸ Кольшко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 26–37.

царем, царь наговорил юному Вильгельму дерзостей»⁹.

По мнению С.Ю. Витте, Александр III был хорошим хозяином, но «не из-за чувства корысти, а из-за чувства долга. Я не только в царской семье, но и у сановников, никогда не встречал того чувства уважения к государственному рублю, к государственной копейке, которым обладал Император Александр III. Он каждую копейку русского народа, русского государства берег, как самый лучший хозяин не мог бы ее беречь... Он терпеть не мог излишней роскоши, терпеть не мог излишнего бросания денег; жил с замечательной скромностью». Тем не менее «Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности – походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти – и тем не менее он своею наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость, – несомненно, импонировал и, как я говорил выше, если бы не знали, что он император, и он бы вошел в комнату в каком угодно костюме – несомненно все бы обратили на него внимание»¹⁰.

Личный друг царя – С.Д. Шереметьев утверждал, что «в

---

⁹ Кольшико И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 26–37.

¹⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 2001. Т. 1. С. 56.

Александр III не могло быть ничего мелкого, а потому и взгляды его были широки и человечны. Он уважал чужое мнение, но имел и свое личное, определенное. Он не боялся простора и света, потому что не боялся правды, потому что сам был воплощением этой правды!... Он был силы необыкновенной, мог сплюснуть серебряную мелкую монету в трубку и перекинуть мяч из Аничковского сада через крышу дворца. Однажды кто-то проезжал на конке мимо Аничковского дворца и видел, как он выворачивал в саду снежные глыбы. "Ишь силища-то какая!" – с уважением сказал сидевший тут же мужичок. Он редко сердился. Я даже никогда не видел его во гневе, не многие видели его вышедшим из себя, но слышал я, что когда это бывало, становилось жутко. Он имел тогда привычку ударять кулаком об стол, и удар был серьезный. Вообще же он отличался необыкновенною ровностью характера. Озабоченность выражалась у него тем, что он тер переносицу пальцем. Когда же бывал он в духе, у него было необыкновенно светлое и доброе выражение, и было что-то особенное в сочетании выражения этих добрых и пронизательных глаз с неуловимым изгибом кончиков рта и улыбкою его, в которой сквозил оттенок юмора. У него была замечательная способность подражать. Иногда в лицах передавал он целый рассказ и очень метко. Смех его громкий и звонкий, как вообще его голос, отчетливый, ясный, он редко говорил тихим голосом»¹¹.

---

¹¹ Шереметьев С.Д. Мемуары. М.: ИНДРИК, 2004. Т. 1. С. 135.

Согласно В.П. Мешерскому, «царь Александр III был великим русским государем. Он был велик не громкими и славными делами, он был велик духом своего царствования, духом своего служения России, проникавшим постепенно не только во все пути и тропинки духовной жизни государства как целебное, успокаивающее врачевание, но шедшее дальше, за пределы России, как волшебный двигатель и миролюбия, и умиротворения, и сила этого духа была так велика, что уже после первых годов царствования Александра вся Европа с Бисмарком, знавшим толк в вопросе о величии во главе, сознавала, что Россия растет государственной мощью, отражая в себе рост своего монарха. Историограф его призван невольно сопоставлять это действие царя, названного своим народом миротворцем, на Европу, и это признание Европой роста и возвышения России от роста ее монарха – с другим царем, Александром, с Александром I, тоже названным Россией и Европой Великим, и сопоставлять, говорю я, для того, чтобы наглядно изобразить различие между сими двумя великими Александрями. Александр III в продолжение своего царствования не вынул меча из ножен, добыл свое величие, тоже свершая победоносное шествие через Европу, но это шествие и эти победы совершал волшебным его духом, и об этом шествии и об этой победе свидетельствует громко летопись всего света, вещающая, что благодаря влиянию русского монарха Александра III, не извлекшего меча из ножен, и в Европе мечи не вынимались из ножен, и во славу мира

ни капли солдатской крови не было пролито»¹².

Экономическая политика Александра III была направлена на решение двух важнейших задач: ускорение хозяйственного развития страны и поддержку и усиление позиций дворянства. В решении первой задачи глава Министерства финансов Н.Х. Бунге ориентировался на расширение внутреннего рынка, одновременный подъем сельского хозяйства и промышленности, упрочение положения средних слоев населения. 9 мая 1881 г. был принят закон о снижении размеров выкупных платежей и списании недоимок по ним за предыдущие годы. Убытки, понесенные в результате казной, призвано было покрыть повышением земельного налога в 1,5 раза, налога на городскую недвижимость, а также ставок акцизных сборов на табак, спирт и сахар. В результате ставка акциза на водку была повышена в 1881 г. до 8 коп., в 1885 г. – до 9 коп., в 1888 г. – до 9,25 коп., в 1892 г. – до 10 коп.

31 января 1884 г. в Департаменте неокладных сборов для заведования контрольно-снарядным делом был учрежден Технический комитет. В состав Комитета, помимо высших управленцев (непременный член, 5 старших, 4 младших техников, делопроизводителя), были введены ведущие ученые и инженеры. С введением Новых правил о питейной торговле 14 мая 1885 г. ожидалось увеличение делопроизводства в питейном отделении. По этой причине 30 мая 1885 г. I

---

¹² Мешерский В.П. За Великую Россию. Против либерализма. М. : Институт русской цивилизации, 2010. С. 35–36.

Отделение было разделено на два. В первом – были оставлены дела о винокуренном производстве, а во второе – передано делопроизводство по оптовой и розничной торговле крепкими напитками и питейной контрабанде. Во избежание затруднений в подготовке статистической отчетности Законом 24 апреля 1889 г. был создан Статистический отдел (в составе заведующего и 2 его помощников). Он занялся «сбором, обработкой и публикацией статистического материала, позволяющего оценить влияние акцизного сбора на народное благосостояние и дать основания для подготовки законодательных работ или административных действий в области акцизных сборов». Новое расписание должностей было введено 31 мая 1889 г. Число отделений не изменилось, но компетенции их были уточнены: I Отделение вело дела о питейном акцизе винокуренных предприятий, вывозе спирта за границу; II Отделение ведало частной торговлей крепкими напитками, нарушениями устава о питейном сборе; III Отделение – акцизом с табака, сахара и спичек, взысканием питейно-откупных и соляных недоимок; IV Отделение – гербовым сбором, V Отделение готовило годовой отчет¹³.

В 1885 г. был изменен кадровый состав акцизных управлений. 7 мая 1885 г. мнение Государственного совета «Об усилении личного состава акцизных управлений» учрежда-

---

¹³ Горюшкина Н.Е. Деятельность Департамента неокладных сборов по реализации акцизной реформы (1863–1896 гг.) // Становление современной науки. Прага: Изд-во «Образование и наука», 2014. С. 26–30.

ло должности младших и старших техников, контролеров и чиновников по судебной части, а также упраздняло должность помощника управляющего акцизными сборами. Техники наблюдали за контрольными снарядами и за технической частью производств, обложенных акцизом. Чиновникам по судебной части вверялось в обязанность наблюдение за ходом дел о нарушениях акцизных сборов в суде и представление интересов акцизного управления в суде. Кроме того, по решению министра финансов чиновники по судебной части имели право вести в суде и другие дела. Для непосредственного надзора за винокуренными заводами, а в случае необходимости и за питейной торговлей учреждались должности младших и старших контролеров. Каждому заводскому контролеру предоставлялась «безвозмездно чистая и светлая комната, удобная для жилья, с отоплением от завода, печью для варки пищи и необходимой мебелью». После введения в 1885 г. новых правил торговли крепкими напитками разъездным надсмотрщикам вменялся в обязанность надзор за «раздробительной» (розничной) торговлей. При этом надсмотрщик должен был проверить соответствие записей о приходе и расходе алкоголя его наличию, крепость реализуемого вина, порядок отпуска и чистоту помещения.

14 мая 1885 г. для регулирования торговли крепкими напитками в губерниях и уездах были образованы губернские и уездные по питейным делам присутствия, а в городах это дело возложили на городские думы. Если Акцизные управле-

ния являлись финансовыми учреждениями, то Присутствия по питейным делам относятся всецело к категории учреждений внутреннего управления. Подчинение их Министерству финансов объяснялось тем, что торговля вообще, а следовательно и крепкими напитками, находилась в ведении этого министерства; питейные присутствия состояли в тесном отношении с акцизными управлениями. При этом следует отметить, что других учреждений, содействовавших развитию торговли другими видами предметов, облагавшихся акцизными сборами, как-то табак, сахар и проч. не существовало. Объяснялось это тем, что фактически торговля крепкими напитками давало государству весьма значительный доход, ставивший ее в привилегированное положение и привлекавший особое внимание со стороны государства; деятельность Питейных присутствий заключалось не только в мерах содействия развитию этой торговли, но и в критериях нравственного характера. Чрезмерное распространение употребления крепких напитков крайне пагубно отражалось не только на хозяйственной стороне народной жизни, но и на всеобщей нравственности¹⁴.

В состав уездных присутствий, действовавших под председательством уездного предводителя дворянства, входили: председатель или член уездной земской управы, уездный член окружного суда, один земский начальник, по назначе-

---

¹⁴ Ивановский В. Русское государственное право. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1898. Т. 1. Вып. 6. Местные установления общественного управления. С. 401.

нию уездного съезда, уездный исправник и чиновник акцизного ведомства; таким образом, присутствие имело в своем составе представителей земства, суда, полиции, крестьянского управления и Министерства финансов. Подобный состав уездного присутствия указывал на разнообразие преследуемых им задач. Земские учреждения привлекались к участию в этом деле в виду того, что они являлись вообще органами местного хозяйственного управления; от их представителей рассматриваемые учреждения могли ожидать наиболее полезных указаний; участие представителя судебного ведомства могло быть объяснено тем, что данным учреждениям приходилось иногда иметь дело с вопросами о привлечении к судебной ответственности лиц, нарушавших требования Питейного устава; кроме того, не следует забывать, что, по крайней мере в отношении крестьянского сословия, чрезмерное употребление крепких напитков считалось особго рода проступком, влекущим за собою судебную кару. Участие в питейных присутствиях представителя полиции объясняется полицейскими задачами этих учреждений. Интересы финансовые, тесно связанные с торговлей крепкими напитками, также имели своего защитника в лице чиновника акцизного ведомства. Труднее объяснить участие в этих учреждениях чиновника ведомства крестьянского управления. Вероятнее всего это объясняется тем соображением, что крестьяне уже по самой своей численности являлись главными потребителями крепких напитков и следовательно

в отношении их более, чем в отношении других, имели значение финансовые, полицейские, нравственные и другие цели, преследуемые Питейными присутствиями. Отличие состава губернских присутствий заключалась в том, что председательство в них возлагается не на губернского предводителя дворянства, а на губернатора; от суда участвовал представитель прокуратуры; представительство финансового ведомства было усилено участием управляющего Казенной палатой; наконец, наряду с другими, в качестве члена присутствовал городской голова губернского города, что объяснялось тем, что губернские Питейные присутствия являлись высшею инстанцией в отношении городских дум по вопросам торговли крепкими напитками.

Компетенция уездных присутствий определялась 462 статьей Устава об акцизных сборах, по которой на них возлагалось принятие мер к тому: 1) чтобы число заведений для раздробительной торговли крепкими напитками не превышало в каждой местности действительной в них потребности, в ущерб интересам народной нравственности; 2) чтобы к раздробительной торговле питеями не допускались лица неблагонадежные; 3) чтобы излишние стеснения питейной торговли не порождали корчемства; и 4) чтобы в раздробительной торговле питеями не устанавливалось монополии. Что касается круга деятельности губернских присутствий, то она исчерпывалась: наблюдением за правильным и однообразным применением уездными присутствиями и городскими дума-

ми требований питейного устава; рассмотрением жалоб, подаваемых на эти учреждения и утверждением в некоторых случаях их постановлений. Жалобы на губернские присутствия подаются не в то или другое министерство, а в Правительствующий Сенат по первому департаменту. Обстоятельство это следует объяснить не рангом, не высоким положением этих учреждений среди других, а тем, что они не были подчинены исключительно одному какому либо одному министерству, а сразу двум – министерствам финансов и внутренних дел. О делопроизводстве рассматриваемых учреждений следует отметить, что хотя решения и постановляются в них принимались по большинством голосов, но мнения некоторых лиц придавалось особенное значение; таковы были председатели этих учреждений, представители акцизного ведомства и полиции; при несогласии этих лиц с постановлениями присутствий, дело переходило в высшую инстанцию; для губернских присутствий такою инстанцией являлся Министр финансов, который и утверждал представляемые ему постановления, но не иначе как по соглашению с Министром внутренних дел или другими «подлежащими» ведомствами. В 1894 г. в некоторых губерниях в виде опыта была введена казенная винная монополия, так что торговля спиртными напитками стало составлять исключительное право казны. Присутствия по питейным делам в районе винной монополии были упразднены, и заведывание казенною продажей спиртных продуктов было возложено на Акцизные управле-

ния¹⁵.

Закон 18 мая 1885 г., представляя преимущество мелким винокурным заводам, установил 7 % перекура с первого миллиона градусов и 5 % с остального количества. Законом 9 июня 1887 г. эти нормы были понижены на 2 %. Усилия заводчиков направились на увеличение выкурки с целью получения большего перекура. Его наличие на рынке давало возможность заводчикам продавать спирт ниже существовавших акцизных ставок. «Установившиеся цены на спирт, – отмечал Н.С. Терский, – обыкновенно едва покрывают стоимость винокурных припасов, затем как большая часть стоимости собственно производства, так и проценты на затраченный капитал, вместе с предпринимательским барышом, могут быть получены только при перекуре». Получить перекур позволяло лучшее устройство заводов, лучшая технология производства, лучшее качество материалов (большая степень их чистоты и предварительной обработки), лучшее их сочетание.

Для упрощения надзора над производством и сбытом вина «Положение» определило наименьший допустимый размер завода в 540 ведер квасильных чанов (в совокупности). Законом 25 мая 1888 г. нижний предел емкости квасильных чанов был опущен на отметку в 270 ведер, а Законом 1 июля 1890 г. верхний предел поднят до 9 тыс. ведер емкости. Порядок измерения и описания завода был следующий: долж-

---

¹⁵ Ивановский В. Русское государственное право... С. 403.

ностные лица акцизного надзора, прибыв на устроенный завод, проводили подробный осмотр его помещений и строений, принадлежащих заводу, а также земель, находящихся под заводом, вместе с постройками и двором. Осмотр завода производился по его отделениям: квасильному, дрожжевому, перегонному или аппаратному, помещение для контрольных снарядов, паровичную, солодовню, спиртоприемную или затрубную, лабораторное помещение для рабочих, винокура, акцизного надзора, подвалы для хранения спирта, склады или амбары материалов винокурения и топлива, контору, жилые дома (квартиры) управляющего заводом, винокура и других лиц, служащих на заводе; помещения для скота, состоящего на барде, для рабочих при откармливаемом скоте, бордяные лари. При осмотре указанных выше помещений и отделений завода подробно записывалось, из чего он состоит, сколько этажей, что находится в каждом отделении. Затем в опись завода вносилась заводская посуда, которая нумеровалась. Далее проводился осмотр перегонного аппарата и обеспечений, указанных в смете, утвержденной управляющим акцизными сборами, измерялись дрожжевые чаны и кадки с квасильными чанами. Измерение дрожжевой посуды завода производилось только геометрическое и без составления протокола. Измерение же квасильных чанов производилось геометрически и водою с составлением протокола. Работы по измерению заводской посуды производи-

лись рабочими завода и за счет заводчика¹⁶.

Рост ставки акцизного сбора сопровождался одновременным увеличением объема поступлений акцизных налогов в бюджет и ростом контрабанды спирта из-за границы. Контрабандный спирт был в два или даже в три раза дешевле российского. В условиях множественной частной торговли государству было сложно бороться с контрабандой спирта, и она приняла огромные размеры. По оценке комиссии, рассматривающей вопрос о мерах борьбы с контрабандой спирта, ввозимого из Пруссии и Австрии, убытки казны от нее достигли в 1882 г. 19 млн руб. Водочные напитки (наливки и настойки), сделанные из уже оплаченного акцизом спирта, сначала не подлежали вторичному обложению. Водочные заводы, имея патент, могли выпускать напитки любой крепости и самого разного качества. Акцизный надзор только пресекал производство напитков, выделанных из нелегального (корчемного) спирта. Отсутствие контроля за качеством водочных напитков, привело к заполнению рынка низкокачественными водочными изделиями. Зачастую это был просто разбавленный или разбавленный и подкрашенный спирт. Часто эти напитки не проходили дополнительной очистки и имели произвольную крепость, от 18 до 30°. Торговля так называемыми «специальными водками», которая не подвергалась акцизному надзору, позволяла обходить закон об обя-

---

¹⁶ Засорин А. Спутник акцизного чиновника. Сумы: Типолитография К.М. Пашко-ва, 1911. С. 5–6.

зательной крепости простого хлебного вина, и была настолько выгодной, что совершенно вытеснила его из продажи. На этой почве появились заводы, которые не имели ничего кроме печати, они фактически продавали свои этикетки и право накладывать печать на посуду со спиртом, разбавленным водой. Это привело к уменьшению количества потребляемого спирта, а следовательно, и к снижению доходов казны¹⁷.

Э.Ф. Нольде писал о таких «заведениях»: «Существуют... оптовые склады, специально устраиваемые для снабжения законными паспортами самого незаконного спирта, мнимо передвигающегося из одних концов империи в другие. Иногда вы приезжаете в склад, вечно состоящий из двух-трех бочек спирта, а между тем книги этого склада с помощью их чеков, свидетельств и пр. служат передаточными пунктами для большого передвижения спирта. Склады для такой передачи устраиваются преимущественно в городах при размерах торговли столь значительной и быстрой, что даже опытный акцизный чиновник чуть ли не даже в момент присутствия его в складе не уследит и не поймет в чем дело. Иногда же такие склады устраиваются в глуши, где частые ревизии невозможны». При этом он предполагал, что ежегодно от недобора акцизного сбора государство теряло ежегодно до 200 млн руб. «Самые распространенные и самые большие по

---

¹⁷ Артемьева Л.В. Этапы и механизм введения в России акцизной системы на алкоголь во второй половине XIX в. // Транспортное дело России. 2011. № 5. С. 122–125.

размерам злоупотреблений, – по его мнению, – совершаются в Царстве Польском, в северо-западных, юго-западных, юго-центральных и южных губерниях, несколько умереннее они в некоторых северных и северо-центральных губерниях»¹⁸.

В.П. Смирнов вспоминал: «У знаменитого поэта Некрасова был брат Федор Алексеевич. Заводчик, водочник, богач. В своей Карабихе Ярославской губернии он производил разнообразные напитки, в том числе и ром. Откуда там было взяться рому? Как и винам бордоским, бургундским, хересу? Про него написал Салтыков-Щедрин, а поскольку передо мною нет той его статьи, попробую восстановить ее по памяти. Процесс выделки у Некрасова был очень простой. Он брал подлинную бочку из-под подлинного вина и наливал в нее в определенной пропорции астраханский чихирь, т. е. кизлярскую дешевую водку, и воду. На бочку вливалось ведро спирта, а потом, смотря по свойству выделяемого вина: мадера, малага, рейнвейн, – шло столько-то патоки, столько-то дегтя и столько-то сахарного свинца. Затем эту смесь мешали, пока она не сделается однородной, а после бочки закупоривали. И вот по прошествии времени, когда вино отстоится, приходил хозяин или главный приказчик, и начиналась так называемая сортировка... Плюнет в бочку один раз – выйдет просто мадера по цене 40 копеек. Плюнет два раза – выйдет цвеймадера, цена от 40 копеек до руб. А если плю-

---

¹⁸ Нольде Э.Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. С. 10, 25.

нет три раза – выйдет дреймадера (цена от 1 руб. 50 копеек и выше, ежели, например, мадера "столетняя"). Потом все это лилось в бутылки, забивалось пробками и поставлялось на стол губернатора. Тот свидетельствовал, "что лучше он ничего не пивал", и товар шел прямым путем сперва на Нижегородскую ярмарку, а оттуда уже – по всей России»¹⁹.

Продолжало сокращаться количество винокуренных заводов: в 1883–1888 гг. их было 565, в 1889–1894 гг. – 482. Вместе с тем увеличивалась их мощность. Так, в 1886–1887 гг. действующие заводы по размерам выкурки распределились таким образом: 73 малых (с выкуркою менее 25 тыс. ведер), 336 средних (с выкуркою 25–100 тыс. ведер) и 90 больших (с выкуркою свыше 100 тыс. ведер). Таким образом, при сокращении более чем в 2 раза числа мелких и средних заводов количество крупных производств выросло на 10 %. Другое крупное изменение затронуло винокуренные материалы. В 1860–1870-е гг. основным сырьем для производства алкоголя в великороссийских губерниях был хлеб. В 1866–1871 гг. перекуривалось около 36,5 млн пудов хлебных припасов против 0,5 млн пудов картофеля (соотношение составляло 73:1). Начиная с 1880-х гг. картофельное винокурение стало преобладать над хлебным. В 1891–1895 гг. было перекурено 16,9 млн пудов хлебных припасов и 36,5 млн пудов картофеля (соотношение 1:2). При общем сокращении количества

---

¹⁹ Смирнов В.П. Смирновы. Водочный бизнес русских купцов. М.: Изд-во «Генеральный директор», 2011. С. 149–150.

перекуриваемых хлебных припасов почти вдвое, количество перекуриваемого картофеля возросло в 73 раза. Свою роль сыграли выгодные нормы выходов из картофеля, установленные законодательством, меньшие колебания урожая картофеля против хлебов, умножение картофельных посевов в великороссийских губерниях. Акцизный период стал временем небывалой концентрации винокуренного производства. Если в 1866–1871 гг. 857 расположенных в великороссийских губерниях заводов производили 365,6 млн ведер вина в 40° при средней выкурке в 42,7 тыс. ведер, через 20 лет, в 1886–1891 гг. – 491 завод выпускал из своих подвалов 355,4 млн ведер, имея в среднем выкурку в 72,4 тыс. ведер. Получалось, что при падении числа заводов на 43 % выкурка на один завод выросла на 70 %²⁰.

Сокращение же общего количества произведенного алкоголя на 2,9 % неминуемо вело к казенным убыткам. Руководствуясь фискальными соображениями и под давлением «сельских хозяев, государство приняло меры к поддержанию мелкого винокурения и уравниванию выгод крупных и мелких заводчиков. Законом 4 июня 1890 г. устанавливалось деление заводов на коммерческие и сельскохозяйственные. Сельскохозяйственной объявлялась выкурка, производимая в течение 200 дней между 1 сентября и 1 июля и не превы-

---

²⁰ Горюшкина Н.Е. Винокуренное производство в великороссийских губерниях в пореформенный период (1863–1894 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4–5. С. 46–49.

шающая 75 ведер вина на каждую десятину пахотной земли, всего в имении должно быть не менее 60 десятин. Устройство винокуренных заводов в городах и учреждение для их содержания акционерных компаний запрещалось. Законом, вступающим в силу 1 июля 1891 г., перекур был заменен безакцизным отчислением. Оно давалось не в награду за получение высоких выходов спирта, как было прежде, а в вознаграждение потерь, понесенных заводчиком в виде естественной усушки и утечки спирта. Чем крупнее завод, тем лучше он был устроен и, следовательно, тем меньше у него были потери, потому безакцизное отчисление постановлено было производить в обратном отношении к выкурке: 2 % на первые выкуренные 25 тыс. ведер, 1,5 % при выкурке 25–75 тыс. ведер и 0,5 % – при выкурке 75–300 тыс. ведер. Сельскохозяйственные винокурни, кроме того, получили право на дополнительное безакцизное отчисление, и оно находилось в обратном отношении к количеству выкурки: 4 % – при выкурке до 12,5 тыс. ведер, 2 % – при выкурке 12,5–25 тыс. ведер, 1,5 % – при выкурке в 25–75 тыс. ведер, 0,5 % – при выкурке 75–150 тыс. ведер.

Если бы перекур сохранился, заводчики могли рассчитывать на прибыль в 0,11–0,19 руб. за ведро в зависимости от размеров выкурки. При безакцизном отчислении промышленные заводы получили не более 0,01–0,08 руб. за ведро, тогда как сельскохозяйственные – 0,3–0,24 руб. В наиболее выгодном положении оказались заводы, производящие

до 1 млн градусов; курившие 1–3 млн градусов, остались на прежних условиях; крупное производство было стеснено. Правительственные узаконения затормозили процесс падения численности заводов. В период 1891–1895 гг. в великороссийских губерниях курили вино 482 завода, на 1,8 % меньше, чем в 1886–1891 гг. В общем числе заводов в 1891–1992 гг. доля производств, расположенных в помещичьих усадьбах, составила 64,1 %, смешанных – 23,5 %, промышленных – 12,4 %. В 1894–1895 гг. доля сельскохозяйственных заводов выросла до 70,3 %, за счет сокращения доли смешанных – до 20,3 % и промышленных – до 9,4 %. В 1891–1895 гг. общая выкурка составила 309,3 млн ведер вина, что было на 13 % меньше, чем в предыдущее пятилетие²¹.

Вместе с тем был «парализован» процесс концентрации производства: средняя выкурка, возраставшая в течение всего акцизного периода, упала до 64,2 тыс. ведер (на 11,3 %). В 1891–1892 гг. в процентном соотношении к общей выкурке сельскохозяйственные заводы производили 36,8 %, смешанные – 38,8 %, промышленные – 24,4 %. В 1894–1895 гг. 42,6 % от общей выкурки производили сельскохозяйственные заводы, 36,4 % – смешанные, 21 % – промышленные. Становилось ясно, что сельскохозяйственное производство не в состоянии обеспечить прирост валового объема алкогольной продукции. Несмотря на всевозможные способы стимулиро-

---

²¹ Горюшкина Н.Е. Винокуренное производство в великороссийских губерниях в пореформенный период (1863–1894 гг.)... С. 46–49.

вания ведущей отрасли дворянского предпринимательства, лучшие его годы остались в былом.

Будущее было за предприятиями нового типа, образцом которых мог служить Теткинский винокуренный завод Курской губернии, оснащенный «комбинированными трубчатыми и бульерным паровыми котлами, в общей сложности в 440 сил. На заводе был установлен железный трубчатый холодильник с медными трубами для затора, перегонный бражный аппарат бельгийской системы, 2 ректификационных медных перегонных аппарата с регуляторами, дефлегматорами и холодильниками, 12 железных угольных фильтров, перегонный спиртный эюратор завода Бормана Шведе в Варшаве, железный дрожжевой чан с мешалкой завода Ваганд в Ревеле и чугунной зерно-солододробилкой. На заводе также имелось 9 паровых машин, из них 7 – вертикальных и 2 – горизонтальных, имеющих в сложности 94 силы».

В начале 80-х гг. XIX в. 20-летний опыт правового регулирования торговли спиртными напитками в условиях существования акцизной системы их обложения выявил ряд серьезных проблем, неотложность разрешения которых была признана с воцарением нового императора Александра III. В условиях сохранения начал свободной торговли оптимизация правового регулирования торговли алкогольными напитками в этот период была призвана увеличить питейный доход государства и обеспечить развитие отечественного виноделия и сельскохозяйственного винокурения, с од-

ной стороны, и противодействовать усилившейся алкоголизации населения или «оградить народную трезвость и народную нравственность», – с другой. Новые Правила о розничной (розничной) продаже напитков, принятые 14 мая 1885 г. и вступившие в действие с 1 января 1886 г. в губерниях, управляемых по общему учреждению, а также на Ставрополье, существенно откорректировали те основания, на которых прежде производилась питейная торговля в России. Закон от 14 мая 1885 г. не распространялся на г. Санкт-Петербург с пригородами и Кронштадт, где действовали особые правила о розничной питейной торговле от 16 июня 1873 г., а также на губернии Прибалтийские и управляемые по особому учреждению, где сохраняли действие старые правила о продаже крепких напитков, дополненные в дальнейшем некоторыми пунктами закона от 5 мая 1892 г. Это Курляндская, Лифляндская, Эстляндская, Тифлисская, Кутаисская, Эриванская, Елисаветпольская, Бакинская, Иркутская, Енисейская, Тобольская и Томская губернии, а также Карская, Дагестанская, Кубанская, Терская, Закаспийская, Сыр-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Уральская, Тургайская, Якутская, Забайкальская, Амурская, Приморская области и область войска Донского, земли Астраханского казачьего войска, племена разных инородцев и остров Сахалин²².

---

²² Жолобова Г.А. Виды питейных заведений и правовой режим розничной тор-

Урегулирование торговли крепкими напитками было возложено на административные органы и в первую очередь на губернские и уездные по питейным делам присутствия, права и компетенция которых постепенно расширялись при одновременном усилении власти губернских присутствий. При разрешении открытия заведений для раздробительной продажи напитков вне городских поселений, исходя из местных условий, они обязывались не допускать «излишнего» их числа. Дополнительным средством регулирования числа питейных заведений служило повышение или понижение патентного сбора. При этом важно было избежать излишнего стеснения питейной торговли, что неизбежно повлекло бы подпольную беспатентную продажу, а также предотвратить установление частных монополий и сохранить конкуренцию виноторговцев. Новые «Правила о раздробительной продаже напитков» установили, исходя из численности проживавшего в данной местности населения, пределы и условия ограничения числа винных и ведерных лавок. Проявляя повышенную активность в защите интересов фиска, правительство в своей законодательной деятельности уделяло большое внимание противодействию беспатентной торговле спиртными напитками, стремясь привлечь широкую общественность к раскрытию правонарушений в этой сфере. За нарушение правил питейной торговли устанавливались со-

ответствующие меры юридической ответственности.

Законодательство расширило круг субъектов, которым за-
прещалось производить питейную торговлю. Для устране-
ния от ее производства неблагонадежных лиц уездные пи-
тейные присутствия были облечены правом не допускать к
открытию питейных заведений, а также к исполнению обя-
занностей приказчиков и сидельцев, претендентов, от кото-
рых нельзя было ожидать правильного и согласного с интере-
сами народной нравственности производства торговли. Та-
ким образом, этот вопрос был изъят из ведения городско-
го общественного управления. Вне черты общей еврейской
оседлости от всякого участия в торговле спиртными напит-
ками были отстранены евреи.

Питейный дом был упразднен как заведение, признан-
ное наиболее вредным. Однако Закон 1885 г. распростра-
нил свое действие отнюдь не на всю территорию России. По-
тому в ряде регионов, в том числе и в столице, питейный
дом, наряду с шинками, штофными лавками и водочными
магазинами, производившими торговлю спиртными напит-
ками распивочно и на вынос и предлагавшими покупателям
хлеб и холодные закуски, сохранил свое существование. На
территории же действия закона 1885 г. распивочная торгов-
ля допускалась отныне лишь в заведениях трактирного ти-
па, где вместе с алкогольными напитками потребители мог-
ли получать горячую пищу и чай, а также в станционных
домах и буфетах железнодорожных станций. Более легкие

спиртные напитки разрешалось распивать в пивных лавках, во временных выставках, в погребах для торговли исключительно русскими виноградными винами.

Кроме ренсковых погребов и погребов для выносной торговли винами, устанавливались два новых вида питейных заведений с выносной торговлей – ведерные и винные лавки, обложенные менее значительным, по сравнению с распивочными заведениями, патентным сбором. Винной лавкой называлось такое питейное заведение, в котором дозволялась продажа только на вынос всех оплаченных акцизом напитков российского приготовления: хлебного вина, водочных изделий, портера, пива, меда; а также русских виноградных вин. С 1 января 1886 г. по 1 января 1894 г. содержатели винных лавок обязаны были представлять залог в размере 100 руб. от каждой лавки в обеспечение правильного ведения торговли. Но высочайше утвержденным 8 июня 1893 г. мнением Государственного совета эти нормы были отменены²³.

Закон 1885 г. давал общие указания относительно устройства винных лавок. Они должны были иметь окна и двери на улицу, состоять из одной комнаты с одним входом, без внутренних сообщений с другими помещениями и жилой квартирой продавца. В винных лавках не должно было быть никакой мебели, кроме стойки и особых полок для хранения питей. Отпуск вина и спирта из винных лавок мог произво-

---

²³ Жолобова Г.А. Виды питейных заведений и правовой режим розничной торговли спиртными напитками в России в царствование Александра III... С. 18–24.

даться, не иначе как в посуде, опечатанной в ведерной лавке, на заводе или в складе, где эти напитки были разлиты в посуду, емкостью не менее 1/40 ведра (исключение предусматривалось только для водочных изделий, получаемых с заводов под бандеролью). Таким образом, минимальная емкость продаваемой с вином посуды была ограничена 1/40 ведра. Но вскоре законом от 24 ноября 1886 г. этот размер вновь был понижен до 1/100 ведра, ибо, как показал опыт, установленный законом 14 мая 1885 г. размер оказался слишком большим для потребления одним лицом за один раз, «что вызывало необходимость крестьянину для покупки вина приглашать товарища, причем, распив сороковку, компания обыкновенно на этом не останавливалась, и попойка вблизи винной лавки продолжалась до опьянения»²⁴.

Закон 1885 г. предусматривал ограничение в объеме отпуска вина и спирта из винных лавок – не более трех ведер. Разлив вина, спирта и водочных изделий, а также их хранение в «неопечатанной или откупоренной посуде» запрещались. Разлив пива, портера, меда, а также русских виноградных вин, где торговля ими из винных лавок была дозволена, разрешался в особых ледниках или других помещениях при лавке, но не в самой лавке. За продажу или хранение в винных лавках вина и спирта в посуде, надлежаще не опечатанной, виновным грозило наказание: в первый раз –

---

²⁴ Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894 гг.). СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1902. С. 392.

штраф до 50 руб., во второй – до 100 руб. Разлив русских виноградных вин при винных лавках и погребах разрешался там, где существовало виноделие: в Кавказском и Туркестанском краях, губерниях Астраханской, Бессарабской, Таурической, Екатеринославской и Херсонской, а также в областях Войска Донского и Семиреченской. Кроме того, Циркуляром от 9 июля 1887 г. № 2021 министр финансов, пользуясь предоставленным ему правом, распространил эту возможность на Подольскую, Киевскую, Полтавскую, Харьковскую, Воронежскую и Саратовскую губернии, а также на все города, отнесенные по патентному сбору к 1-му и 2-му разрядам. На основании этого циркуляра разлитое при винной лавке виноградное вино должно было поступать в продажу не иначе, как в посуде, опечатанной печатью этой винной лавки.

Ведерные лавки, впервые введенные законом 1885 г., являлись заведениями мелкооптовой торговли. Имея своим назначением отпуск в винные лавки разлитых в посуду и опечатанных напитков, ведерные лавки были наделены правом разлива и продажи спиртных напитков, разрешенных к торговле в винных лавках. По особым разрешениям министра финансов в таких лавках могла производиться на основаниях, установленных для оптовых складов, очистка вина и спирта. Отпуск вина, спирта и водочных изделий из ведерных в винные лавки мог производиться количеством не менее 1/4 ведра, разлитом в посуду установленного размера,

не меньше 1/4 ведра и за печатью ведерной лавки, а непосредственно потребителям и в места распивочной продажи – без опечатывания и в любую приносимую покупателем посуду (но все-таки не менее 1/4 ведра). Продажа же напитков из ведерных лавок в оптовые склады или другие такие же лавки и погреба не дозволялась. Нарушение этого правила влекло за собой ответственность как за торговлю, не соответствующую патенту. Циркуляром министра финансов от 22 ноября 1885 г. № 1881 в ведерных лавках на территории западных, малороссийских, новороссийских, Бессарабской, Санкт-Петербургской и Псковской губерний предписывалось вести книги для записи прихода и расхода крепких напитков, подобно тому, как это еще в 1861 г. было установлено законом для оптовых складов и заводских подвалов.

Новые «Правила о раздробительной продаже напитков» установили пределы и условия ограничения числа винных и ведерных лавок: «а) в селениях, имеющих до 500 наличных душ обоего пола, число винных лавок может быть ограничиваемо до одной; б) в селениях, где более 500 наличных душ обоего пола, число винных лавок может быть ограничиваемо так, чтобы приходилось не менее одной лавки на каждые 500 душ; в) содержание ведерных лавок может быть совсем не разрешаемо в селениях, где менее трех винных лавок; но если в одной местности имеется несколько таких селений, то дозволяется открывать не менее одной ведерной лавки на каждые десять винных; г) в селениях, где существует не ме-

нее трех винных лавок, должно быть разрешаемо не менее одной ведерной на каждые три винные; д) в селениях, имеющих заведения для распивочной продажи напитков, открытие винных и ведерных лавок не может быть воспрещаемо, и число их не ограничивается». При устройстве ведерных лавок должны были соблюдаться правила, установленные для ренсковых погребов²⁵.

На тех территориях, где было распространено действие Закона 1885 г., назначением ренсковых погребов была торговля только на вынос, в остальных же регионах Российской империи им предоставлялось также право брать дополнительные патенты на распивочную продажу «питей». Объем разрешенных к продаже на вынос в одни руки крепких напитков ограничивался тремя ведрами, виноградные же вина можно было продавать в любом количестве. В отношении разлива вина и спирта и их очистки, ренсковые погреба подчинялись правилам, установленным для ведерных лавок. В них также дозволялось разливать виноградные вина, пиво, портер и мед. Однако в сельских ренсковых погребах на практике частыми стали случаи злоупотреблений, связанные с распивочной продажей и торговлей низкопробным вином. Поэтому закон 1892 г. сохранил прежнее право хранения вина и спирта в бочках и их разлива только для ренсковых погребов, расположенных в городах. Очистка и разлив

---

²⁵ Жолобова Г.А. Виды питейных заведений и правовой режим розничной торговли спиртными напитками в России в царствование Александра III... С. 18–24.

вина и спирта в ренсковых погребках, открываемых вне городских поселений, с 1 января 1893 г. воспрещались. Указанные спиртные напитки допускались здесь к продаже не иначе, как в посуде, опечатанной заводом или складом, с которого они приобретались.

Ренсковые погреба, а также погреба для продажи русских виноградных вин, могли занимать несколько связанных друг с другом комнат, при условии, что торговля производится только в одной из них. Они могли помещаться и в подвальных помещениях, но достаточно светлых и удобных для входа. Погребом русских виноградных вин называлось питейное заведение, в котором распивочно или на вынос продавались исключительно виноградные вина отечественного производства. Для поощрения отечественного виноделия и замещения водки дешевым виноградным вином правительство в 1860-х гг. допустило повсеместное открытие таких погребов, взимая за патенты самую ничтожную плату. Но на практике оказалось, что во внутренних губерниях России, вследствие непривычки населения к употреблению виноградных вин, стали производить продажу «хлебного вина», разбавленного водой и подкрашенного различными примесями. Потому было признано необходимым разрешать открытие погребов русских виноградных вин только в винодельческих и соседних с ними губерниях, где население привыкло к употреблению виноградных вин: в Кавказском и Туркестанском краях, Астраханской, Бессарабской,

Таврической, Екатеринославской и Херсонской губерниях, а также в области Войска Донского и Семиреченской области. По Закону 1885 г. такие заведения могли открываться также и в тех местностях, где это будет признано возможным министром финансов по соглашению с министром государственных имуществ. Такие местности были определены циркулярами министра финансов от 17 августа 1885 г. № 1862 и от 9 июля 1887 г. № 2021: это губернии Подольская, Киевская, Полтавская, Харьковская, Воронежская и Саратовская, а также повсеместно города, отнесенные по патентному сбору к 1-му и 2-му разрядам. В прочих губерниях открытие таких погребов, с продажей распивочно и на вынос или же только на вынос, дозволялось в случае действительной потребности в них «по местным условиям» и лишь с особого разрешения Министерства финансов. Погреба русских виноградных вин обладали правом разлива отечественных вин, а также их продажи в неограниченном количестве. Продажа закусок в таких заведениях не дозволялась.

При обсуждении проекта «Правил о раздробительной продаже напитков» 1885 г. в Государственном совете было замечено, что, «вступая в борьбу с давней укоренившейся привычкой населения предаваться пьянству в кабаках, весьма важно вместе с их уничтожением не закрыть возможности удовлетворения действительных и совершенно законных потребностей жителей. К числу этих потребностей следует отнести существование в селениях, а тем более в городах, та-

ких общественных учреждений, где взрослым людям можно сойтись, чтобы посудить о своих делах, войти в соглашение или сделку и т. п. До настоящего времени подобным учреждением для простонародья был каба́к. Когда его не станет, явится необходимость в другом каком-либо заведении. Отчасти она может найти исход в открытии трактирных заведений без питейной продажи, предлагающих горячую пищу, чай и т. п. Но при существующей в народе привычке к крепким напиткам трудно рассчитывать, чтобы подобные трактиры скоро получили широкое распространение. Безвредным дополнением к ним могли бы служить пивные лавки. Поэтому желательно поставить торговлю пивом в возможно льготные условия как в городах, так и в селениях».

Портерной или пивной лавкой называлось питейное заведение, в котором распивочно и на вынос разрешалась продажа исключительно портера, пива и меда отечественного производства, а из закусок – только холодных (маркитанских) закусок. Пивные лавки действительно были поставлены в более льготные условия, чем другие питейные заведения, и в размере патентного сбора (от 10 до 30 руб. в год), и в порядке открытия (требовалось только согласие владельцев земли). В виде исключения из общего правила о питейных заведениях пиво и мед дозволено было подавать посетителям бань, причем прямо в помещения для раздевания, ибо особого помещения для продажи и распития там иметь не разрешалось. Патентный сбор за продажу пива и меда при торговых банях

был выше, чем в пивных лавках, и определялся повсеместно в 40 руб. в год, а законом от 8 июня 1893 г. был повышен до 50 руб.

Закон «Об изменении и дополнении действующих правил о пивоварении и торговле пивом», принятый 15 января 1885 г., содержал прямой запрет продавцам пива «разбавлять его водой, прибавлять к нему вещества, хотя бы и не вредные для здоровья, а также смешивать пиво разных заводов». Нарушение этого запрета влекло для виновных ответственность в виде денежного взыскания не свыше 50 руб. Однако при отсутствии установленных в нормативно-правовом порядке признаков пива, по которым можно было бы судить о его разжижении, факт его разбавления водой установить было очень сложно. Кроме того, для придания сильно разбавленному пиву необходимой густоты и сладости применялись различные примеси. И несмотря на их запрещение законом, обнаружить факт их добавления так же, как и воды, было крайне затруднительно. Устранению этого недостатка в какой-то мере должен был способствовать вновь принятый 10 июня 1900 г. закон, установивший точное понятие о пиве и определивший качества, которым оно должно удовлетворять. Использование при приготовлении пива каких-либо веществ, кроме солода, воды, хмеля и дрожжей, а равно разбавление пива водой и примесь к нему каких-либо веществ воспрещались²⁶.

---

²⁶ Жолобова Г.А. Виды питейных заведений и правовой режим розничной тор-

На ярмарках и в местах «значительного временного стечения народа» закон допускал, с разрешения уездных по питейным делам присутствий, открытие временных выставок – питейных заведений, созданных на относительно короткое время для продажи оплаченных акцизом напитков русского производства. Однако временный характер могли носить и иные виды питейных заведений, в том числе предполагавшие торговлю иностранной продукцией. Так, по высочайше утвержденному 8 июня 1893 г. расписанию патентного сбора с заведений для продажи напитков патентный сбор устанавливался: 1) с временных ренсковых погребов на ярмарках без распивочной продажи и с распивочной продажей; 2) с загородных временных ренсковых погребов, устраиваемых на летнее время с 1 мая по 1 октября без распивочной продажи и с распивочной продажей; 3) с временных выставок для продажи крепких напитков; 4) с временных выставок пива и меда и 5) с временных выставок русского виноградного вина. На них распространялось большинство норм, принятых для соответствующего типа питейного заведения.

К концу XIX в. существовали три вида трактиров: «чистые» трактиры и второкласные рестораны, трактиры, состоявшие из «чистой» и «черной» (с простой мебелью) половин, простонародные трактиры (в подвалах, реже – в первых этажах). Прислугой были «половые». Кухня была исключительно русская, чай подавался в чайниках, сахар – куса-

ми на блюде. Предлагались также раскуренные трубки со сменными мундштуками из гусяного пера. В трактирах имелись «раздевальня», «каток» (буфет с закусками), большой общий зал, «кабинеты», «низок» для торговли вином в розлив, играл «оркестрион» (механическая музыкальная машина, в начале XX в. – фонограф). В отличие от ресторанов, носивших обычно имена владельцев, трактиры были больше известны по названиям городов («Париж», «Сан-Франциско» и др.) либо вовсе не имели названия. Число трактиров не ограничивалось, владелец был обязан иметь свидетельство на право содержания трактира, платить акциз на продаваемые спиртные напитки. В трактирах разрешались не запрещенные законом игры, музыка и другие развлечения. Владелец трактира платил сбор в пользу города, общая величина которого ежегодно определялась Городской думой. Рабочий день длился 17 часов. Во многих трактирах жалования служащим не платили, считая, что «половые» получают доход от чаевых.

Русский писатель и журналист Владимир Алексеевич Гиляровский оставил описание московских трактиров и ресторанов конца XIX в.: «На Живодерке... помещался "Собачий зал Жана де Габриель". Населенная мастеровым людом, извозчиками, цыганами и официантами, улица эта была весьма шумной и днем и ночью. Когда уже все "заведения с напитками" закрывались и охочему человеку негде было достать живительной влаги, тогда он шел на эту самую улицу и удо-

влетворял свое желание в "Таверне Питера Питта". Так называлась винная лавка Ивана Гаврилова на языке обитателей "Собачьего зала", состоявшего при "Таверне Питера Питта". По словам самого Жана Габриеля, он торговал напитками по двум уставам: с семи утра до одиннадцати вечера – по питейному, а с одиннадцати вечера до семи утра – по похмельному. Вечером, в одиннадцать часов, лавка запиралась, но зато отпиралась каморка в сенях, где стояли два громадных сундука – один с бутылками, другой с полубутылками. Торговала ими "бабушка" на вынос и распивочно в "Собачьем зале". На вынос торговали через форточку. Покупатель постучит с заднего двора, сунет деньги молча и молча получит бутылку. Форточка эта называлась "шланбой". Таких "шланбоев" в Москве было много: на Грачевке, на Хитровке и на окраинах. Если ночью надо достать водки, подходи прямо к городовому, спроси, где достать, и он укажет дом: "Войдешь в ворота, там шланбой, занавеска красная. Войдешь, откроется форточка... А потом мне гривенник сунешь или дашь глотнуть из бутылки"»²⁷.

В Москве существовала категория престонародных «извозщицких» трактиров. Эти трактиры имели специальный двор для лошадей, в них подавалась дешевая еда: «Извозчик в трактире и питается и согревается. Другого отдыха, другой еды у него нет. Жизнь всухомятку. Чай да тробуха с огурцами. Изредка стакан водки, но никогда – пьянства. Раза два

---

²⁷ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 2005. С. 411.

в день, а в мороз и три, питается и погрееется зимой или высушит на себе мокрое платье осенью, и все это удовольствие стоит ему шестнадцать копеек: пять копеек чай, на гривенник снеси до отвала, а копейку дворнику за то, что лошадь напоит да у колоды приглядит. В центре города были излюбленные трактиры у извозчиков: "Лондон" в Охотном, "Коломна" на Неглинной, в Брюсовском переулке, в Большом Кисельном и самый центральный в Столешниковом, где... прежде ходили стада кур и большой рыжий дворовый пес Цезарь сидел у ворот и не пускал оборванцев во двор. В каждом трактире был обязательно свой зал для извозчиков, где красовался увлекательный "каток", арендатор которого платил большие деньги трактирщику и старался дать самую лучшую провизию, чтобы привлечь извозчиков, чтобы они говорили: "Едем в Столешников. Лучше "катка" нет!". И едут извозчики в Столешников потому, что там очень уж сомовина жирна и ситнички всегда горячие. А в праздничные дни к вечеру трактир сплошь битком набит пьяными – места нет. И лавирует половой между пьяными столами, вывертываясь и изгибаясь, жонглируя над головой высоко поднятым подносом на ладони, и на подносе иногда два и семь – т. е. два чайника с кипятком и семь приборов. И "на чай" посетители, требовавшие только чай, ничего не давали, разве только иногда две или три коп., да и то за особую услугу»²⁸.

Привлекали московские трактиры и приезжих из Сиби-

---

²⁸ Там же. С. 414.

ри: «Трактир Лопашова, на Варварке, был из древнейших. Сначала он принадлежал Мартьянову, но после смерти его перешел к Лопашову... Неизменными посетителями этого трактира были все московские сибиряки. Повар, специально выписанный Лопашовым из Сибири, делал пельмени и строганину. И вот как-то в восьмидесятых годах съехались из Сибири золотопромышленники самые крупные и обедали по-сибирски у Лопашова в этой самой "избе", а на меню стояло: "Обед в стане Ермака Тимофеевича", и в нем значилось только две перемены: первое – закуска и второе – "сибирские пельмени". Никаких больше блюд не было, а пельменей на двенадцать обедавших было приготовлено 2 500 штук: и мясные, и рыбные, и фруктовые в розовом шампанском... И хлебали их сибиряки деревянными ложками»²⁹.

В.А. Гиляровский вспоминал: «Много... наплодилось в Москве ресторанов и мелких ресторанчиков, вроде "Италии", "Ливорно", "Палермо" и "Татарского" в Петровских линиях... Ресторан Саврасенкова помещался почти против дома обер-полицмейстера и пользовался покровительством местного пристава Раскинда, получавшего с него большой доход. Над рестораном были "номера свиданий", и, кроме того, в этих номерах собирались шулера, и шла крупная карточная игра. Самый ресторан был дешев, доступен и всегда был переполнен, особенно после театров, так как Саврасенкову Раскинд выхлопотал право поздней торговли до 2 часов

---

²⁹ Гиляровский В.А. Москва и москвичи... С. 421.

ночи. Это было заведение вроде "Эрмитажа" Оливье, только демократичнее, сорта на три пониже, но с такими же номерами, как в "Эрмитаже", только сюда приходили парочки с Тверского бульвара, а в "Эрмитаж" приезжали в каретах... Были еще рестораны для "загул" с хорами и эстрадами. Это – "Золотой якорь", и один уже совсем загульный: это "Чепуха" за Крестовской заставой, попасть куда было далеко небезопасно. Слишком глухое место, населенное темным людом. Обыкновенно туда возили подвыпившую публику после полуночи лихачи и парные извозчики (голубчики) от "Саратова" и "Купеческого клуба" с Большой Дмитровки... С конца 1880-х гг. полезли в "Эрмитаж" московские иностранцы-коммерсанты, главным образом немецкая колония, и заполняли залы "Эрмитажа" в часы завтраков, куда являлись с биржи и англичане, московские заводчики и представители иностранных фирм, всегда чопорные и строгие. А там и русское именитое купечество, только что сменившее родительские сибирки и сапоги бутылками на смокинги и визитки, перемешалось с иностранцами в роскошных залах "Эрмитажа". Ослепительные люстры сверкали мерцающим газом на лепных потолках и дорогих плафонах. Здесь тоже после биржи собирались Морозовы, Лукутины, Коноваловы, Коншины, Перловы, Воро-нины, Кузнецовы, из которых многие уже получили дворянство, а другие его добивались, но старались подражать дворянству, начинавшему исчезать с гори-

зонта "Эрмитажа"»³⁰.

Журналист и писатель Н.Н. Животов обрисовывал несколько типичных «профилей» трактирщиков:

1) «купец с регалиями, почетом и титулами, а главное, с капиталом. Он домовладелец, вкладчик банков и член многих общественных учреждений. Ему 57–60 лет, седой, в бриллиантах, с плавными, величественными движениями и жестами. Говорит мало, медленно, неохотно. Держится сторонкой, боясь нарваться на дерзость или случайную неприятность. Сам недоступен даже для семьи и окружающих, не смеющих вступать с ним в разговоры, пока он сам не заговорит или не спросит. Служащие трепещут перед ним и расточают знаки глубочайшего почтения и уважения. Ни за какие деньги не позволит наступить себе на ногу и готов бросить несколько тысяч, охраняя свое достоинство... Он везде одинаков: держится скромно и с достоинством, одет безукоризненно и со вкусом, говорит мало и дельно, замечания делает кстати и резонно, собеседник приличный и приятный... В своих заведениях он как директор в департаменте; при его появлении все вскакивают; служащие ему "докладывают", а он "предписывает"... Многие служащие непосредственного доступа к нему не имеют, и все их ходатайства докладываются буфетчиком, который объявляет просителям резолюцию. В каждом заведении у него свой кабинет, куда никто не смеет войти без звонка; даже знакомые и со-

---

³⁰ Гиляровский В.А. Москва и москвичи... С. 422.

служивцы входят не иначе как по докладу дежурного официанта и ждут приема; несмотря на такую обстановку, этот хозяин для своих служащих в тысячу раз лучше других и местами у него дорожат, состоя годы кандидатами. В сущности он добр и доброжелателен, хотя бывает неумолим, если заметит малейшее неуважение к своей особе или недостаточную почтительность... Его "почет" и стремление к величественности стоят ему огромных средств; служащий, изучивший его характер, может вить из него веревки и обкрадывать как хочет... Заведение, которое у кулака приносит 25 000 руб. годового дохода, ему дает чуть не убыток... Например, при богатой обстановке, самой приличной публике и высоких ценах его заведение торгует до двенадцати часов ночи, а соседний вертеп – до часа ночи»;

2) «старики кулаки и кабатчики. Группа наиболее многочисленная и чаще других встречающаяся. Представители этого типа похожи друг на друга, как родные братья, а если есть разница, то разве в мелочах. Он тучен при маленьком росте – это первая примета; его боровоподобная шея достигает семидесяти сантиметров в окружности. Орлиные, навывкате, глаза бегают с таким беспокойством, точно хотят выскочить, и только к шестидесяти годам они потухают и заплываются жиром. Волосы не то курчавые, не то просто нечесанные и сбившиеся войлоком. Лапищи-ручищи наводят страх на трактирных слуг, а ножищи слоноподобных размеров; костюм неряшливый, грязный. Ходит "хузяин" лениво,

вообще избегая двигаться; в заведении он больше "кричит" осипшим голосом. Следит за всем зорко, и горе буфетчику или слуге, если "хозяйское добро" не бережется: например, чай заваривается гостям слишком крепкий, сахару подается четыре кусочка вместо трех, рюмка наливается с краями вровень и т. д. Такой буфетчик, растрачивающий доверенный ему товар, лучше собирай пожитки и уходи!.. Хозяин-кулак вышел сам из мальчиков и, пройдя суровую школу, создает в свою очередь для других такую же. Он мал ростом, потому что с детства таскал на голове корзины с бутылками и провизией. Он неграмотен, потому что с одиннадцати лет, прямо из деревни, не выходил из-за стойки... Мозг его не знает ничего больше, кроме очищенной водки, пива, буфета и выручки, потому что он никогда не имел ни времени, ни желанья чем-либо другим интересоваться... Вот все его культурные познания, с которыми он, однако, нажил три трактира, пять кабаков, семь портерных, девять ренсковых погребов и два каменных дома... Хозяином он стал в доброе старое время, когда люди были гораздо проще. Он служил буфетчиком, когда умер его хозяин... Осталась вдова, боявшаяся забот и хлопот с заведением, она обратилась сама к буфетчику с просьбой: "Ослобони меня, Митрич, возьми заведение за себя, дай мне что-нибудь". Митрич согласился и за трактир, приносящий 8 000—9 000 годового дохода, дал вдове 3 000, и та спасибо сказала... Теперь таких покупок не бывает, и вдова "нонешная" сумеет продать наслед-

ство как следует... Митрич, сделавшись хозяином, не остался за буфетом... Это непристойно для хозяйской амбиции, да и невыгодно... Ему надо заботиться о развитии и расширении дела... А буфетчика он сумеет учесть так, чтобы тот не украл. Он сам изучил все тонкости буфетных тайн... Митрич завел свои порядки, устроился с поставками провизии и питий непосредственно от оптовиков и заводчиков, "подвел животы" всем своим служащим и в первый же год своего хозяйства удвоил доход. Во второй год он купил по случаю дом с переводом долга по закладной и открыл в нем новый трактир с "машиной", биллиардами и глухими кабинетами, где можно было играть в карты, в чет-нечет, пьянствовать в интимной компании и т. д. С каждым следующим годом он что-нибудь открывал, убивая в дело все свои доходы: содержание ему ничего не стоило, квартиру для себя с семейством (сделавшись хозяином, он выписал из деревни жену и детей) нанимал скромную, в азартные игры не играл... Своих сыновей и дочерей они сватают тут же за мадерой, здесь же совершают сделки и предпринимают компанейские дела»;

3) «они – братья, братья-трактирщики на все руки. Таких братьев несколько персонажей: одни по увеселительной части (оставляя за собой, разумеется, только буфетное дело); другие по трактирно-ресторанной, с номерами для приходящих и приезжающих (из клубов, садов и т. п.); третьи по кабачно-питейной и погребно-портерной, с молочными фермами включительно и т. д. и т. д. Замечательно, что во всех

случаях братья далеко не равны: при брате знаменитом, прославившемся, крупном предпринимателе и дельце, пристегивается фигурка другого брата, воды не замуляющего, но кусочки урывающего. Эти братья знаменитостей вообще чрезвычайно покладистые люди, скромно следующие по стопам своих знатных родичей. Ими никто лично не интересуется, никто их не замечает, но, держась за хвостик братца, и они вылезают в люди, даже в гласные Думы... Еще "братья"... по питейно-пивной части. Число заведений братьев подобно песку морскому, звездам небесным; в адресной книге им отведено по две страницы в нескольких отделах... Но между всеми этими заведениями, как Большая Медведица на небе, сияет вывеска: "Фруктовая лавка с распивочной продажей". Иные, не дочитав вывеску до конца и видя "фруктовую лавку", заходят купить десяток яблок. Заходят и стремглав летят обратно. Они попадают в настоящий пьяный вертеп (особенно между четырьмя и семью часами вечера); подвальное низкое помещение, тесное и душное; табачный дым застилает все густым облаком, в котором виднеются охмелевшие фигуры посетителей в самых непринужденных позах и суетливая беготня слуг в белых фартуках. Шумный разговор, крики, ругань, выстрелы откупориваемых бутылок, звяканье посудой – все атрибуты самого заурядного кабака; на прилавке дымятся горячие сосиски, язык, ветчина, разложены сыры, колбасы, раки, рыбы, но "фруктов" совсем не видно; есть лимон, но его подают кусочками, посыпанными сахар-

ным песком; имеются конфеты, преимущественно мятные, подаваемые к коньяку»;

4) хозяева-новички, «которым случайно достались трактиры, и хозяева-наследники. Все они неопытны, несведущи, часто наивны и в огромном большинстве случаев делаются жертвами, теряя если не все, то очень много. Есть, конечно, из молодых – ранние, но их ничтожное меньшинство... Таких хозяев все любят, начиная со служащих и кончая посетителями. У них все добросовестное: водка, провизия, чай, вина... И служащим жить хорошо, только... в итоге для них самих крупные убытки и недочеты. Отчего это, почему же другие хозяева наживают по 40–50 руб. в день чистого барыша? – изумляется новичок... А потому, что дело мастера боится! Честно, добросовестно наживать 200 % на товар и 2 000 % на затраченный капитал невозможно. А другие наживают. Скажем, заведение стоит 5 000 руб. Нормальный доход с него будет 5 % или 6 %, т. е. 250–300 руб. в год, а хозяин наживает до 5 тысяч руб. и более. Сколько это выйдет? В один год он погашает всю стоимость заведения, все затраты. Эта одна сторона дела, а другая – злоупотребление и нерадение служащих. Довольно взять плохого повара, чтобы в год заведение довести до состояния банкротства. Каждый слуга, не говоря уже о буфетчике, может постепенно разорять хозяина одним нерадением, небрежностью. Они отучат грубостью посетителей, запустят в грязи и перепортят всю сервировку, мебель; словом, превратят чистенькое приличное

заведение в такое, что войти противно будет трезвому посетителю, а санитарная комиссия ежедневно станет составлять протоколы. Ведь хозяин за все отвечает! У повара нелуженая посуда – хозяин платит штраф; в комнатах слуг (общежитие) беспорядок, грязь – опять хозяин в ответе; в залах грязные салфетки – комиссия штрафует хозяина. Буфетчик ворует и разбавляет водку водой, чтобы больше положить в карман, – опять хозяин под суд. У кулака-хозяина все служащие хорошо знают, что всякий штраф они сами заплатят, для чего у хозяина остается в залоге их жалованье, выдаваемое не иначе как при расчете, т. е. увольнении. У новичка же хозяина все слуги ему должны, потому что успели забрать вперед: кому надо в деревню послать, кому одежду spravить, долги заплатить и т. д. Да, наконец, служащие разумеют, что у них есть книжки паспорта, и если бы хозяин вздумал перенести на них штраф, они в суд пойдут или откажутся от службы... Они знают, что их хозяин долго не удержится: или разорится, или продаст заведение, и дорожить им не стоит. Тащи, рви, пользуйся случаем... И пользуются»³¹.

Н.Н. Животов также оставил описание завсегдатаев трактиров: «Каждый трактир имеет кроме своей "публики" еще своих и "завсегдатаев", или "прихлебателей", как их зовут. Своя публика приходит в известные часы на время, по делу или для дела, а завсегдатай сидит с утра до запора заведения,

---

³¹ Животов Н.Н. Петербургские профили. СПб.: Типолитография А. Винке, 1895. Вып. 4. Среди официантов. С. 24–36.

сидит для провождения времени, для того, чтобы "примазаться" к какой-либо компании, напиться на чужой счет или при случае "заработать" малую толику. Кто такой этот завсегда? Чаще всего – это павший лев, изображавший когда-то величину, силу и персону. Это – прокутившийся мот, проторговавшийся купец, прожившийся барин, спившийся чиновник, заштатный делец и, наконец, неудачник, тщетно перепробовавший всевозможные амплуа и профессии, не исключая свободного искусства, либеральных профессий и легких форм шантажа, вымогательства, аферных предприятий и проч. и проч. Лета, происхождение и звание этих господ разнообразны до бесконечности: есть седые старики и безусые юнцы, есть мещане, ограниченные по суду правами, и есть люди дворянского происхождения. И невзирая на эти социальные, так сказать, отличия, трактирные прихлебатели все на один покрой: они хвастливы и лживы, грязны и ветхи по костюму, постоянно выпивши или пьяны, липки, как пластырь, податливы, как резина, навязчивы и назойливы до крайности, лишены всякой порядочности и самолюбия или обидчивости, болтливы без толку, услужливы без разбору и по своим побуждениям, вожделениям и намерениям вечно балансируют между попрошайством и уголовным обманом. Завсегда садится всегда у буфета, берет газету и читает или, вернее, не читает, а прикрывается газетным листом, чтобы высматривать кругом, не обращая на себя внимания. Его глаза воспалены, прическа в беспорядке, лицо с отека-

ми и припухлостями, пальтишко рваное, сорочка грязная, сапоги дырявые. Все это, однако, не мешает ему сидеть раз-валясь, с апломбом влиятельной персоны, заложив нога на ногу и высокомерно, фамильярно командовать. "Петр Иванович (буфетчик), вели-ка мне подать зубочистку. А что, та-кой-то не бывал? Чем у вас вчера кончилась драка? Посмот-ри, не осталось ли на "текущем"? "Текущий счет" – это вод-ка, оставшаяся недопитой в компании. Так как он сидел в компании, то считает себя вправе допить недопитое и доест несведенное. Если вы послушаете завсегдатая, то это такая всесильная и влиятельная особа, которая все может! Он зна-ет пол-Петербурга, знаком с властями, свой человек в денеж-ной аристократии, близкий приятель кого хотите и возьмет-ся выхлопотать что угодно, начиная с ордена "Льва и солнца" и кончая пикантной интрижкой. Он так великодушен и бес-корыстен, что ему ничего не надо, только угостите его и дай-те ему двугривенный на извозчика. "Другой взял бы с вас ты-сячи, а мне ничего не надо", – приговаривает он, поспешно наливая рюмку, как бы боясь, что ему скажут "Брысь!" и он останется натошак. Завсегдатай любит вести речь о полити-ке, о нажитых (тем-то или тем-то) миллионах, о близости ко-лоссальных удач и наживы и говорит с авторитетом знатока; но если его резко оборвут и пошлют в физиономию "дурака", он съежится, стушуеться и робко будет выжидать позволения опрокинуть рюмочку. Тут уж он благоговейно будет слушать оборвавшего его и поддакивать на каждом слове, не осмели-

ваясь даже в пустяках иметь свое собственное суждение»³².

По словам Н.Н. Животова, «содержатели трактиров и буфетчики относятся к завсегдатаям покровительственно и терпят их, главным образом, вот почему. В трактире, когда посетители перепьются, нередко завязывается спор между гостями и прислугою, в таких случаях "судьей" является сама публика, и вот завсегдатай сейчас же выступает от лица публики и, разумеется, принимает сторону администрации трактира. Он, как истый оратор, произносит защитительную речь и по праву "гостя", т. е. постороннего лица, произносит решение. Кто не знает амплуа этого гостя, должен ему верить, потому что он здесь такой же посетитель, как и все. Кроме, однако, этого "представительства" завсегдатай искренно готов оказать "своему" заведению всяческую услугу и нередко приносит пользу, например: написать какое-нибудь прошение, сходить куда-нибудь или, при случае, заставить компанию выпить лишнюю бутылку вина. Все это, разумеется, мелкие услуги, но ведь и сам завсегдатай мелок, много ли он стоит хозяину? Изредка – рюмку водки и бутерброд, а в большинстве случаев только газету и зубочистку... Но и эту рюмку буфетчик вернет, когда завсегдатай будет сидеть в компании. Тогда припиши хоть две бутылки, завсегдатай убедит компанию, что вино выпито, он сам видел, сам считал и т. д. и т. д. Завсегдатаи имеются почти в каждом трактире, но двух завсегдатаев не бывает. По пословице: "В одной

---

³² Животов Н.Н. Петербургские профили... Вып. 4. Среди официантов. С. 51.

берлоге не бывает двух медведей", если в трактире заведется другой прихлебатель, то между ними завязывается смертельный бой, и побежденный ретируется... Говоря о завсегдаях, я должен признать, что большинство их совершенно безвредные и жалкие существа, но попадаются экземпляры наглые и способные на всякие подлости, начиная с "анонимов". Большая часть анонимных писем и доносов принадлежит завсегдаям и составляет их силу, которой многие боятся»³³.

По сведениям российского писателя и журналиста А.А. Бахтиярова, трактиры иногда использовались и для деловых встреч и были чем-то вроде биржи: «Закупка хлеба для потребностей столицы производится в Барановском трактире на Калашниковской пристани, куда стекаются лабазники, мелочники, булочники и пекари со всего Петербурга. Кроме того сюда же приезжают хлеботорговцы из Финляндии по закупке хлеба для местных потребностей; ежегодно из Петербурга по Финляндской железной дороге отправляется до 2 000 000 пудов разного хлеба. Ежедневно по утрам Барановский трактир представляет своеобразное зрелище. Хлеботорговцы сидят за чаем и беседуют между собой. Все они разделились на две группы. В одном конце трактира сидят хлебные тузы, партионщики-миллионеры, а в другом – что называется мелкая сошка. Между этими группами сплошной толпой стоят лабазники, мелочники, булочники и пе-

---

³³ Животов Н.Н. Петербургские профили... Вып. 4. Среди официантов. С. 52.

кари. Почти все хлеботорговцы, начиная от первостатейного партионщика и кончая последним мелочником, одеты в длиннополые русские кафтаны, волосы подстрижены в скобку. Зато комиссионеры, маклеры и "зайцы" (биржевые зайцы представляли самостоятельных торговцев и маклеров в одном лице, т. е. они покупали и продавали за собственный счет – прим. автора) одеты в новомодные клетчатые пары. По рукам ходят пакеты с пробами. У иного хлеботорговца за пазухой лежит целый ворох пакетов. У других – пакеты тщательно завязаны в узелке, в платке. Там и сям видно, как пробу высыпают из пакета на руку, внимательно разглядывают и пробуют даже на зуб. Традиционный трактирный орган стоит молча, чтобы не мешать деловому разговору. Торговедется на ушко, и сделка закрепляется битьем по рукам. При совершении покупки никаких документов не требуется, и вся операция держится на честном слове»³⁴.

В 1880–1890-х гг. стали входить в моду шашлыки: «Популяризировал шашлык в Москве Разживин. Первые шашлыки появились у Автандилова, державшего в семидесятых годах первый кавказский погребок с кахетинскими винами в подвальчике на Софийке. Потом Автандилов переехал на Мясницкую и открыл винный магазин. Шашлыки надолго прекратились, пока в восьмидесятых–девяностых годах в Черкасском переулке, как раз над трактиром "Арсентьича",

---

³⁴ Бахтияров А.А. Брюхо Петербурга. Общественно-физиологические очерки. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1888. С. 129.

кавказец Сулханов не открыл без всякого патента при своей квартире кавказскую столовую с шашлыками и – тоже тайно – с кахетинскими винами, специально для приезжих кавказцев. Потом стали ходить и русские. По знакомым он распространял свои визитные карточки: "К. Сулханов. Племянник князя Аргутинского-Долгорукова" и свой адрес. Всякий посвященный знал, зачем он идет по этой карточке. Дело разрослось, но косились враги-конкуренты. Кончилось протоколом и закрытием. Тогда Разживин пригласил его открыть кухню при "Петергофе". Заходили опять по рукам карточки "племянника князя Аргутинского-Долгорукова" с указанием "Петергофа", и дело пошло великолепно. Это был первый шашлычник в Москве, а за ним наехало сотни кавказцев, шашлыки стали модными»³⁵.

Как и раньше, проходили народные гуляния. На протяжении десятилетий и даже столетий их зрелищная сторона существовала в почти застылом виде: балаганы, паяцы, раешник, катальные горы, качели и карусели³⁶. Писатель Алексей Михайлович Ремизов писал, что когда он попал в начале 1890-х гг. во время праздника Смоленской Божьей Матери на гулянье на Девичьем поле (или, как говорили в Москве «под Девичьим», подразумеваемая монастырь), то был поражен,

---

³⁵ Гиляровский В.А. Москва и москвичи... С. 414.

³⁶ Ульянова Г.Н. Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры // Очерки истории русской культуры. Конец XIX – начало XX в. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2011. Т. 1. Общественно-культурная среда. С. 455–526.

как мало гулянье изменилось в сравнении с рассказом историка М.П. Погодина (жившим рядом с Девичьим и оставившим описание в 1863 г.): «У балагана безобразничали два паяца: розовый и палевый, раешник по-прежнему легко и не прерывая, точно пишет "уставом", сказывал свои сказы и Балду, от которых "и самый снисходительный цензор заткнул бы себе уши", больше всего народу у крайней к монастырской стене палатки: там шарманка и под шарманку песня и пляшут». На это А.М. Ремизов верно подметил, что «нигде ведь нет такой закоснелости, как в развлечениях»³⁷.

Народные гулянья почти до конца 1890-х гг. проводились на открытом воздухе – в Санкт-Петербурге на Адмиралтейской площади, на Марсовом поле; в Москве – на Новинском бульваре (с 1870-х были перенесены на Девичье поле), за Пресненской заставой, на Воробьевых горах, в парке Сокольники. Во время таких гуляний один и тот же спектакль мог играть в течение дня от 6 до 10 раз. Это было утомительно для актеров, но они были рады стараться получить одобрение простонародных зрителей. Как правило, перед сценой устраивались сидячие платные места, остальные зрители стояли позади и по бокам рядов стульев. Посмотреть спектакль собиралось до 3 тыс. чел. Излюбленным репертуаром публики были инсценировки русских народных сказок («Кашей», «Сказка о золотой рыбке»), народных бы-

---

³⁷ Ремизов А. Подстриженными глазами // Ремизов А. Взвихренная Русь. М., 1991. С. 191.

лин («Илья Муромец», «Добрыня Никитич», «Садко»); сюжетов, заимствованных из оперных либретто («Аскольдова могила», «Рогнеда»); популярных литературных произведений (например, фантастических романов Жюль Верна «Вокруг света в 80 дней», «Дети капитана Гранта»). В закрытых помещениях, какими были балаганы, большие залы вмещали до 1 000–1 200 чел. Здесь «представления шли с 12 часов дня, повторяясь в течение дня 8–10 раз, в последние дни и до 12 раз», при этом «антракт между одним и другим представлением длился очень недолго, а именно, пока успевала публика выйти из театра и новая, ожидавшая, войти». В провинции народными гуляньями всегда сопровождалась сезонные ярмарки. К примеру, во время ярмарочной торговли в Полотняном Заводе Калужской губернии, молодежь окрестных сел и деревень развлекалась на каруселях и в балаганах: «Шумными толпами ходит народ по ярмарке. Больше всего веселится, конечно, молодежь: парни, девки, подростки, ребятишки. Для них, прежде всего и крутятся карусели под хриплые, щербатые шарманки. Они же шумными компаниями протискиваются к балаганам посмотреть на человека, пожирающего пламя, на бородатую женщину, на лимонно-желтых морщинистых лилипутов или на борьбу "всемирных чемпионов" – одним словом на все бессмертные "номера" народных гуляний»³⁸.

Русский художник, историк искусства, художественный

---

³⁸ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.–СПб., 1995. С.24–25.

критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства» А.Н. Бенуа также оставил воспоминания о народных гуляниях: «Балаганами назывались специально в короткий срок построенные большие и маленькие сараи, в которых давались всякие представления. Эти балаганы служили главным аттракционом того гулянья, которое "испокон веков", а точнее, с XVIII в., являлось в России наиболее значительным народным развлечением, особенно в обеих столицах. Гулянье это соответствовало тому, что в Западной Европе называется "фуарами", ярмарками. Во многих отношениях наши эти развлечения и были копиями того, что было выработано на Западе, но все же и всему заморскому был придан у нас специфический "русский дух". На этих гуляньях веселье было более буйного, более стихийного характера. Кроме того, здесь можно было видеть и много своеобразного, местного, чего-то ультра-потешного и живописного. Да и пьяных шаталось здесь больше, чем где-либо в Европе, и они были более шумные, буйные, а то и страшные. Поголовное пьянство простого люда, остававшегося под вечер настоящим хозяином тех площадей, что отводились под эти забавы, придавало им какой-то прям-таки демонически-ухарский характер, прекрасно переданный в четвертой картине "Петрушки" Стравинского... В те годы, с самого времени царствования Николая Павловича, считающегося таким притеснителем народной самобытности, масленичная ярмарка с ее гомоном и всяческим неистовством, проис-

ходила под самыми окнами царской резиденции, что особенно ярко выражало патриархальность всего тогдашнего быта. Затем в 1875 г., балаганы были перенесены на Царицын луг, где они устраивались приблизительно до 1896 г. Это удаление от дворца означало, пожалуй, известную опалу, однако и на Царицыном лугу балаганы продолжали пребывать в центре столицы и даже в парадной ее части – у самого Летнего сада... Перед нами главная балаганная улица. Справа протянулся ряд большущих построек, обшитых только что напиленным, сверкающим на солнце и приятно пахнущим сосновым тесом. С другой стороны более мелкие и более разнокалиберные домики стоят, как попало, в беспорядке... Тут же, прямо под открытым небом, тянутся столы, уставленные сотнями стаканов, из которых можно напиться горячего чаю, заваренного в толстых чайниках с глазастыми цветами и разбавленного кипятком, который льется из самоваров-великанов... Но далеко не все гуляющие пьют чай или предлагаемый разносчиками "горячий сбитень", бережно укутанный в толстую салфетку. Многие, весьма многие успели завернуть в кабаки или в распивочные и явились на праздник в сильно подгулявшем виде, неистово горланя песни. У иного торчит сороковка из кармана, и он то и дело, ничуть не стесняясь, прикладывается к ее горлышку, становясь от каждого глотка все озорнее и шумливее. Пьяные в будни где-нибудь на Фонтанке, на Гороховой – явление довольно-таки мерзкое, но здесь, на балаганах, "сам бог велел надрызгаться", и, несо-

мненно, вид этих шатающихся людей придает особый оттенок густой и пестрой праздничной толпе... А потом все исчезло. "Общество трезвости" (дворец возглавлявшего его августейшего попечителя, принца А.П. Ольденбургского, выходил окнами прямо на Марсово поле) добилось того, чтобы эти сатурналии были удалены из центра. Еще несколько лет балаганы влачили жалкое существование на далеком и грязном Семеновском плацу, а потом их постигла участь всего земного – эта подлинная радость народная умерла, исчезла, а вместе с ней исчезла и вся ее специфическая "культура"; забылись навыки, забылись традиции. Особенно это обидно за русских детей позднейшего времени, которые уже не могли в истории своего воспитания и знакомства с Родиной "приобщиться к этой форме народного веселья". Уже для наших детей слово "балаганы", от которого я трепетал, превратилось в мертвый звук или в туманный дедовский рассказ»³⁹.

Особым развлечением простого народа были кулачные бои. Журналист Д.А. Покровский описал это явление в Москве: «Обыкновенно стенки устраивались между двумя вечно почему-то враждовавшими одна с другой фабриками; суконщиков Носовых и платочников Гучковых. Каждая из них считала в те времена от 4 до 5 тыс. душ фабричных, так что главные действующие корпуса этих своеобразных маневров оказывались равносильными, и к каждому из них присоединялись вспомогательные отряды, высылаемые с других

---

³⁹ Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1993. Т. 1. С. 289–290.

фабрик и входящие в состав носовской или гучковской армии сообразно тому, к чьей стороне склонялись нравственные симпатии того или другого отряда. Побоища происходили отнюдь не "с бацу", как говорится, в силу полупьяного азарта или какого-нибудь случайного инцидента; напротив, стенка замышлялась чуть не за неделю, обсуждалась на военном совете, который собирался в том или другом фабричном трактире, и окончательные решения по организации битвы принимались военачальниками обеих сторон по взаимному соглашению. О месте и времени побоища становилось известным всякому, кто интересовался им, по крайней мере дня за два, так что к созерцанию грандиозного зрелища собиралась буквально со всей Москвы масса любителей воинственных ощущений... Подробнейшие инструкции заправилам стенки сообщались ее главнейшими распорядителями в течение всего праздничного дня в каком-либо из трактиров возле Покровского моста, на котором целый день и толкались будущие герои сумерек, вырабатывая все детали предстоящего боя. Как у носовцев, так и у гучковцев еще доселе свежи предания о непобедимых рыцарях кулачного боя и мужественных вождях стенок. Это были, конечно, простые фабричные, искусившиеся в энергических приемах русского бокса, блиставшие атлетическими формами, выделявшиеся непомерной физической силой, прямые потомки тех богатырей, что ломали червонцы, как мятлый пряник, сгибали подкову, как камышовую трость, и за задние колеса

останавливали громоздкий тарантас, влекомый тройкой резвых коней. На кулачные бои они смотрели не как на забаву, а как на дело, к которому они предназначены самой судьбой, как артист смотрит на подмостки, и к этому делу относились с суровой, добросовестной педантичностью... Вообще "осязательные" результаты стенок оказывались всегда не слишком-то утешительными; расквашенные носы, свороченные на сторону скулы, подбитые глаза, выбитые зубы были заурядными знаками отличия за кулачное геройство, и все, получавшие таковые, имели повод лишь гордиться ими; но сплошь и рядом с поля сражения поднимали ратников и с переломленными руками, ногами и ребрами, и со слабыми признаками жизни, и даже вовсе без оных. В большинстве случаев, однако, все оставалось шито да крыто. Хозяева считали позором для себя "пущать" такую "мараль" на свои заведения, что вот, дескать, у их рабочих во время товарищеской потехи да произошло "смертоубивство"; полиция, дружившая с ними ради их щедрой благостыни, всегда готова была всем своим авторитетом прикрыть любой такой грех; ни малейшего надзора за фабричным населением не существовало; не было даже прописки паспортов. И если как-нибудь Ивану Сидорову или Сидору Иванову выпадал жребий лечь костями на песчаной почве Суворовской или Божениновской улицы, то единственным последствием такого события оказывалось лишь то одно, что на фабрике, где он работал, на другой день становилось одним рабочим меньше,

а на третий и этот дефицит пополнялся его заместителем. Что же касается безвременно погибшего на бранном поле, он прописывался или скоропостижно умершим на улице, или поднятым с знаками сильных побоев, неизвестно кем нанесенных, и препровождался, смотря по исповеданию, или на Преображенское, или на Семеновское кладбище для законного предания земле»⁴⁰.

Во второй половине XIX в. в России продолжало развиваться виноградарство и виноделие. Западник Александр II признавал только иностранные вина, и поскольку вкусу двора подражали и в частных домах, и у знаменитых рестораторов, то в его царствование иностранное вино подавалось в Санкт-Петербурге почти повсеместно. Вот что вспоминал А.Н. Бенуа: «Французскому языку обучал нас мосье Бокильон. Кроме своей педагогической деятельности он был поставщиком французских и вообще иностранных вин, и в качестве такового каждый год являлся к нам для получения очередного заказа. В те времена (до конца 1880-х гг.) не принято было пить русское вино и тем паче угощать им гостей; напротив, и у нас, и у многих наших знакомых вино выписывалось бочками из Франции и разливалось по бутылкам на дому. Что касается мосье Бокильона, то он вполне оправдывал оказываемое доверие. Выдержанное у нас в бутылках красное вино "Сент-эмильон" приобретало с годами изумительный букет, а попивая "Фин-шампань" отдаленных

---

⁴⁰ Покровский Д.А. Очерки Москвы. М.: Книжица, 2012. С. 131.

годов, знатоки щелкали языком и, держа рюмку на свет, любовались янтарно-золотой влагой. Доставлял нам мосье Бокильон и превосходную мадеру». Процедура разливки вина происходила: «в папиной чертежной, и на эти дни эта комната освобождалась от всей лишней мебели, а вместо нее устанавливались три или четыре бочки, из которых одна, с красным вином, была чрезвычайных размеров. Сюда же вносилось и все нужное для предстоящей операции: корзины с порожними бутылками, большой ушат воды, в котором мокли пробки, и т. п. Священнодействие начиналось с утра. Человек, отряженный соседним винным погребом Фейка, являлся со своей хитрой машиной для закупорки и с краном. Со вставления его в бочку и начинался обряд. Момент, когда образовывалась дырка в бочке, а из нее, как кровь из чудища, дугой начинала бить красная струя – был особенно волнующим. Разливщик, все жесты которого отличались уверенностью, сразу останавливал кровотечение вставлением крана, после чего дальнейшее шло с надлежащей методой, и на это было очень весело смотреть. Быстро-быстро влага поднималась в подставленную под кран бутылку, одна наполненная бутылка сменялась пустой, и все устанавливались на полу вокруг оператора. Почти от каждой бутылки разливщик сбрасывал толику вина в специальный сосуд, этот сосуд шел затем на кухню. Самым же интересным была закупорка посредством принесенного инструмента. Полные бутылки вставлялись в особое стойло, к горлышку при-

лаживалась пробка, оператор нажимал рычаг, и трах – пробка уже прочно сидела в стеклянном кольце. После этого оставалось надеть поверх пробки блестящую разноцветную капсульку мягкой жести и наклеить на бутылку одну из тех этикеток, которые лежали в прилаженной к бочке коробке. Наш "Сентэмилион" украшался в былое время эффектной овальной картинкой, изображавшей золотого льва на красном фоне, но впоследствии мода на такие украшения прошла, и этикетки стали простыми, белыми, с каллиграфически написанным названием. Поданные в особо торжественные дни, такие бутылки со львом вызывали всегда восторг дяди Миши Кавоса и моего брата Леонтия: ведь эта этикетка означала, что вино по крайней мере десять, а то и больше лет... Под вечер, после того, как все вино было разлито, являлся сам мосье Бокильон и, попробовав от каждого вина по рюмочке, с авторитетом произносил: "Отлично!" – после чего оставалось разместить бутылки по разным, специально для того устроенным в стенах квартиры и в погребе помещениям... Именно дважды во время этих разливов я испытал опьянение до полного одурения. Пользуясь тем, что бонна и мама оставили меня в чертежной любоваться работой разлищика, я стал подставлять ему, после наполнения каждой бутылки, свою игрушечную рюмку с тем, чтобы излишек попадал не в специальную посуду, а, в мою рюмку, и хоть это и замедляло работу, однако разлищик благодушно потворствовал мне. Рюмочка была крошечная, с наперсток, однако, выпии-

вая одну за другой, я стал пьянеть, а на двадцатой или тридцатой рюмке мною уже овладевало то чудесное чувство потусторонности, для получения которого люди часто и предаются культу Бахуса. Увы, за этим чувством следовало другое – весьма неприятное: все начинало быстро вертеться вокруг, а сам я оказался уже лежащим на полу»⁴¹.

С воцарением же на русском престоле императора Александра III началась новая эпоха, в которой некоторые видели «здоровую национальную политику». Генерал-лейтенант А.А. Мосолов впоследствии писал: «При Александре II все подаваемые вина были иностранного происхождения. Александр III создал для русского виноделия новую эпоху: он приказал подавать иностранные вина только в тех случаях, когда на обед были приглашены иностранные монархи или дипломаты. Иначе надо было довольствоваться винами русскими. Полковые собрания последовали примеру, данному выше. Я помню, что многие офицеры находили неуместным винный национализм: вместо собраний они стали обедать в ресторанах, не обязанных считаться с волей монарха. Признаюсь, что в те времена надо было иметь много национального мужества, чтобы довольствоваться крымской кислятиной. Но это продолжалось недолго. Под искусным руководством князя Кочубея уделы быстро довели свои вина до высокой степени совершенства. Весьма скоро потребление иностранных вин сделалось признаком просто снобизма.

---

⁴¹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 106.

Главным вдохновителем русского виноделия был князь Лев Голицын. Считалось, что он умеет "пробовать" вино не хуже заправских дегустаторов. Его виноградники находились в 30 верстах от Ялты. Имение называлось "Новый мир". Александр III заинтересовался этим грандиозным предприятием и предложил Голицыну пост главного администратора Массандры. Князь долго упирался и даже поставил условия: никогда не надевать никакого мундира; никогда не получать никаких званий и никаких отличий; делать в Массандре все, что заблагорассудится. Царь удивился, но дал свое согласие. В течение некоторого времени Голицын управлял не без успеха Массандрой. Но потом у него начались счеты с главноуправляющим уделами. Он был призван к царю, но оказался настолько несговорчивым, что ему пришлось подать в отставку. Голицын после этого посвятил себя всецело своему имению. В последние годы царствования Николая II Голицын предложил "Новый мир" в подарок государю. Зная князя как человека эксцентричного, государь предложил ему изложить письменно условия этого дарения. Оказалось, что условий этих немало, и притом они не так-то просты. Государство обязывалось создать в "Новом мире" целую академию виноделия. Голицын должен был быть ее пожизненным президентом с правом проживать в имении до самой своей смерти. По произведенным подсчетам, академия должна была вскочить уделам в крупную копейку. Царь, однако, заинтересовался планами князя и приказал не считаться с рас-

ходами. Я помню посещение их величествами "Нового мира". Подвалы имели 3 версты в длину. На перекрестках галерей устроены были круглые комнаты для "пробования" вина. Одна из этих зал называлась "винной библиотекой": в ней находилась специальная коллекция старинных стаканов и кубков, подобранных по сортам вина. Раскупоривая знаменитые "годы", князь болтал без остановки... "Хотела бы я знать, – сказала на возвратном пути государыня, – сколько часов может он говорить без остановки"»⁴².

Продолжало существовать астраханское виноделие. А. Дюма побывал в Астрахани в 1858 г. и оставил о местном вине следующие впечатления: «Меня уверяли, будто в Астрахани насчитывается сорок два сорта винограда... Несмотря на то, что в Астрахани собирают великолепный виноград, ягоды которого, благодаря искусственному орошению, величиной со сливу, вино, из него изготовляемое, весьма посредственного качества. Поэтому мы нашли на столе три сорта вина, выше всего ценящиеся в южной России – бордо, кизлярское и кахетинское. Последнее я сначала не оценил вполне по достоинству. Его вывозят в бурдюках, и оно приобретает козлиный запах и привкус, который особенно нравится астраханским жителям, но, судя по моему опыту, доставляет мало удовольствия иностранцам»⁴³.

Развивалось виноделие и на территории Северного Кав-

---

⁴² Мосолов А.А. При дворе императора. Рига: Филин, 1938. С. 57.

⁴³ Дюма А. Путевые впечатления о России... Т. 3. С. 238.

каза. Царское удельное имение «Абрау-Дюрсо» – одно из старейших предприятий в винодельческой промышленности нашей страны. Оно размещается на территории Приморского района г. Новороссийска с центральной конторой в поселке Абрау, расположенном на берегу озера Абрау, в 20 км к западу от г. Новороссийска, и в 170 км от краевого центра г. Краснодара. Абрау-Дюрсо было основано в 1871 г. графом Л.С. Голициным. Он организовал подписание указа, где предписывалось учредить у горного озера поселение, которое насаждало бы культуру сельского хозяйства на юге России. Опытные агрономы считали этот проект пустой тратой денег и жульничеством. Но через два года чешский энтузиаст виноградарства Ф.И. Гейдук привез сюда из Германии 20 тыс. лоз винограда сорта «рислинг». Имение «Абрау-Дюрсо» имело 7 230 десятин земли, из них под фруктовым садом было занято 12 десятин, под питомниками 1 десятин 1 620 квадратных саженей, остальное пространство было занято лесами, сенокосами и пастбищами. Виноградники в имении расположились на 3 отдельных кусках по склонам гор, соединенным в узкие ущелья. В имении «Абрау-Дюрсо» приготавливали 4 сорта вин: красное – бургундское, бордо, белое – сотерн и рислинг. 1884 г. был счастливым годом для удельного имения «Абрау-Дюрсо». На выставке вин в Ялте абраусскому вину – белому и красному – была присуждена золотая медаль. В 1885 г. удельное имение «Абрау-Дюрсо» уже стало получать приличные доходы от продажи на-

туральных и петиотизированных (приготовленные прессованием выжимок, облитых предварительно сахарной водой) вин. Но в 1888 г. от них оказались, винные отходы стали уничтожать, чтобы сохранить репутацию абраусских вин. К 1886 г. виноградники «Абрау-Дюрсо» достигали солидных размеров. Площадь виноградников была доведена до 25 десятин исключительно посадкою лоз бургундских и рислинга. Эти сорта винограда оказались вполне соответствующими почве и климату. Вина из этих сортов были признаны первоклассными. В 1887 г. на Всероссийской выставке в Харькове вин было отмечено высокое качество абраусских вин. И удельное имение «Абрау-Дюрсо» за достигнутые успехи в виноградарстве было награждено малой золотой медалью и грамотой Императорского высшего экономического общества. Абраусские вина экспонировались в 1888 г. на Всемирной выставке в Брюсселе. В следующем году вина были представлены на выставку в Тифлис. С 1891 г. на новых плантациях вводились новые ранние сорта винограда: пино-фран, совиньон, траминер, пино-блан, пино-гри, мускат белый. В 1893 г. в удельном имении под виноградники уже было отведено 100 десятин земли. В основном, разводили 4 сорта винограда: 2 белых (рислинг и сотерн), 2 красных (каберне и совиньон), бургундский и шаслу белую, но ее разводили в ограниченном количестве. В последующие годы в удельном имении продолжала проводиться работа по увеличению площа-

дей виноградников⁴⁴.

Известна была также колония Шабо, основанная в 1822 г. вблизи г. Аккермана швейцарцами из франкоязычного кантона Во. Переселение длилось долгих 24 года, а в 1860–1870-е гг. к франко-швейцарцам присоединились переселенцы из немецкоязычных кантонов этой страны. К началу XX в. в колонии проживало свыше 1 тыс. человек. Занимались швейцарцы, как можно предположить, виноградарством, виноделием и садоводством. Одним из первых колонистов был ботаник и виноградарь, член Общества сельского хозяйства Южной России Луи-Винсент Тардан, отец Карла Тардана, автора книги «Виноградарство и виноделие». Известным специалистом по игристым винам стал другой поселенец – Давид Доньи. Колония Шабо просуществовала до 1940 г.

В экономической жизни Российской империи значительное место занимало виноградарство и виноделие Южного Кавказа, которое развивалось в Грузии, Армении и Азербайджане. Будучи чрезвычайно распространенной и занимая по удельному весу третье место в сельском хозяйстве края, эта отрасль в то же время была одной из наиболее товарных. На Южном Кавказе главным винодельческим районом была Грузия. На ее долю приходилось около 2/3 всего изготавливаемого в крае вина. Главными районами виноградарства в Грузии были Кахетия и Имеретия. В 1874 г. В Тифлисской

---

⁴⁴ Титов Ю.Б. Тайны Абрау-Дюрсо. Путеводитель. М.: Открытая книга, 2010. 192 с.

губернии было заготовлено 1 676 200 пудов вина, стоимость которого равнялась 3 352 400 руб.

Для реализации вина крупными предпринимателями в 1870–1880 гг. в Тифлисе учреждались торговые дома. Так, например, в 1885 г. начал свое действие торговый дом «Князя Н.М. Абамеликова и Г.М. Мамулова» с основным капиталом в 40 000 руб. Значительное место в сельском хозяйстве Азербайджана также занимало виноградарство. Районами, где выращивался виноград, были: Кубинский, Нухинский, Арешский, Шемахинский, Бакинский, Нахичеванский и Геокчайский. К 1887 г. под виноградниками в Азербайджане было занято всего около 3,3 тыс. десятин. В 1894 г. площадь виноградников стала быстро увеличиваться и дошла до 22,3 тыс. десятин, в 1900 – до 24 тыс. и в 1914 г. – до 34,6 тыс., т. е. увеличилось почти в 10 раз. Причем наибольший рост площади виноградников приходился на середину 1880–1890 гг. (19 тыс. дес.) и начало XX в. (12 тыс. дес.). К 1903 г. площади виноградников по всему Азербайджану увеличились на 670 дес. Ежегодно здесь выращивались миллионы пудов винограда. Ежегодный валовой доход от виноградарства составлял здесь 7,5 млн руб.⁴⁵

Относительно высокое развитие получила в Азербайджане и другая отрасль производства – виноделие. В Бакинской

---

⁴⁵ Исмаилова А.М. Развитие виноградарства и виноделия на Южном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 116–118.

губернии в 1893 г. был 1 водочный завод, с годовым производством в 120 тыс. руб. В 1885 г. из Елизаветпольской губернии было вывезено 173,7 тыс. ведер вина, а в 1894 г. – 480 тыс. ведер, т. е. в 2,8 раза больше. В середине 189-х гг. в Азербайджане было налажено также производство коньяка. Широкое производство коньяка здесь начинается в основном после пуска в 1901 г. коньячных заводов в Гейчае. Азербайджан в начале XX в. имел высокий удельный показатель в виноделии. Одна треть вина, произведенного на Южном Кавказе, почти вся водка, выработанная из тута, одна пятая коньяка, изготовленного в России, приходилась на его долю. В 1901 г. в Азербайджане действовало 1 171 винодельческое и винокуренное заведение с 3 765 рабочими, в 1903 г. – 939 заведений с 2 972 рабочими, а уже в 1904 г. – 1 242 заведений с 4 712 рабочими.

После присоединения Восточной Армении к Российской империи (в 1828 г.) армянское виноделие начало постепенно переходить от традиционного домашнего производства к товарному, которое возникло в 1880-х гг., после того, как появились промышленное виноделие и коньячное производство. Развитию виноделия в Армении способствовали благоприятные природные условия, наличие технологичных аборигенных сортов винограда и тысячелетний опыт виноделов. Сыграло также свою роль строительство железной дороги в 1902 г. Благодаря железнодорожному сообщению армянские вина быстро, беспрепятственно и в большом количестве ста-

ли доставляться в Россию, а оттуда – в страны Западной Европы. В 1913 г. все армянские винокурни производили около 12,5 тыс. ведер коньяка в год. Значительное развитие получило также вино-коньячное производство. Крупными предприятиями этой отрасли являлись ереванские заводы Шустова и Сараджева. В Эриванской губернии стоимость продукции спирто-коньячного производства в 1901 г. составляла 90 тыс., а в 1908 г. – 595 тыс. руб. В 1913 г. в Армении было произведено 188 тыс. декал. вина и 48 тыс. л. коньяка. Около 80 % производимых в Армении коньяка, спирта и вин вывозились в Россию, а также поступали на международный рынок. В конце 1890-х гг. снова повысился спрос на винные изделия. За десятилетний период 1890–1900 гг. производство вин в Эриванской губернии увеличилось в 6,4 раза. Представление о развитии этой отрасли можно получить из следующих цифровых данных: в Эриванской губернии площадь виноградников в 1901 г. составляла 9 465 десятин, на которых получалось: винограда – 1 128 тыс. пудов, вина – 611 тыс. ведер, спирта – 5 336 тыс. градусов; в 1903 г.: садов – 9 804 десятины, винограда – 2 917 тыс. пудов, вина – 1 753 тыс. ведер, спирта – 5 821 тыс. градусов⁴⁶.

На рубеже XIX–XX вв. в российской столице вином торговали Я.И. Фохт, П.А. Смирнов, К.О. Шитт, Ф. Рауль, братья Елисеевы, Л. Бауэр и К^о, Фейк и К^о, К.Ф. Депре и др.

---

⁴⁶ Исмаилова А.М. Развитие виноградарства и виноделия на Южном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. ... 2014. № 4. С. 116–118.

Многие из этих торговых фирм были известны в столице издавна. Так, дело К.О. Шитта было основано в 1818 г., с 1820-х гг. существовала английская компания «Л. Бауэр». Винная торговля Елисеевых вела дело с 1824 г., причем собственные погреба фирмы были во всех крупных винодельческих регионах Европы, а усовершенствованные в конце 1860-х гг. елисеевские погреба на Васильевском острове по праву считались одними из лучших по условиям погребами Старого Света. Обычно виноторговцы продавали как заграничные, так и отечественные вина. К примеру, торговый дом «Егор Леве» так и рекламировал свою деятельность: «Торговый дом "Егор Леве" – заграничные и русские вина». Однако существовала и специализация. Так, Рауль, Депре и Бауэр торговали лучшими иностранными винами, а отдельные виноторговцы – исключительно крымскими или кавказскими напитками. Многие из них имели свои виноградники в Крыму или на Кавказе, как, например, чайные торговцы Токмаков и Молотков, в 1889 г. купившие виноградники в районе Алушты, а в 1895 г. получившие за собственные вина Большую серебряную медаль на Всемирной выставке виноделия в Бордо и наводнившие своей продукцией обе столицы. Торговый дом братьев Штраль продавал собственные крымские портвейн, мадеру и токай, Шеффер и Фосс – бессарабские вина. В 1900-е гг. широко рекламировались вина Кио д'Аше из имения «Аше» возле Туапсе (главный склад располагался на площади Александринского театра). Русское виноделие,

испытывавшее множество проблем, стремительно набирало темпы и пыталось освоить весь традиционный европейский ассортимент не только вин, но и других алкогольных напитков. По данным исследователя виноделия князя В. Массальского в Бессарабском районе под виноградниками к 1890 г. находилось 65 935 десятин и выделялось примерно 12 100 000 ведер вина, в Крымском – соответственно – 7134 и 1 360 450, Донском – 2 440 и 375 000, Астраханско-Уральском – 420 и 10 000, Кавказском – 91 796 и 13 415 000, Туркестанском – 13 292 и 30 000, всего по Российской империи – 181 017 десятин и 27 290 450 ведер вина⁴⁷.

Произошли некоторые изменения и в курении табака. При российском императорском дворе открыто курить начали при Александре II. В его правление не считалось дурным тоном во время церковной службы великим князьям выскочить на пять минут перекурить на церковной лестнице. В результате в 1860 г. разрешили продажу раскурочного табака, папирос и сигар. 4 июля 1865 г. официально легализовано курение на улицах Санкт-Петербурга. Запрет сохранился только для солдат и матросов. Кроме этого, запрещалось курение табака «на тротуаре, облегающем Зимний дворец». Александр III унаследовал привычку своего отца и также предпочитал сигары и папиросы. Иногда он пользовался мундштуком. Рабочий кабинет Александра III находился на втором этаже Аничкова дворца на углу здания

---

⁴⁷ Массальский В. Виноделие в России. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. 42 с.

так, что окна кабинета выходили в сад и на Невский проспект: «тут же лежали папиросы, которыми они угощали...». В рабочем кабинете Аничковского дворца на письменном столе у Александра III стояла «фигура пожарного, держащего факел, об этот факел зажигал он свою папироску. Курил он большею частью папиросы, которые впоследствии стал ему доставлять султан. Курил иногда и сигары, но был бережлив и почти никогда сигарами не угощал». «Коллективно» курить после семейных завтраков великие князья начали при Александре III. Эту традицию в семье ввел великий князь Владимир Александрович. Именно в его дворце мужчины, позавтракав, немедленно доставали портсигары по пути в библиотеку великого князя, где, собственно, и проходило священнодействие курения сигар и папирос.

С введением акцизной системы опять остро встал вопрос борьбы с корчемством. 16 октября 1862 г. была создана новая государственная служба – особое подразделение Акцизного управления – корчемная стража, которая являлась силовым подразделением Министерства финансов и размещалась в пограничных районах «позади таможенной линии». Она контролировала территорию, простиравшуюся вглубь Российской империи на расстояние не менее двадцати одной и не более пятидесяти верст от черты границы. Корчемная стража создавалась для перекрытия «возможных поставок из-за границы контрабандных питей» и дублировала таможенные посты с той лишь разницей, что таможен-

ные службы контролировали весь товарооборот, а корчемная стража только возможные поставки контрабандного алкоголя. Эти подразделения действовали при Окружных Акцизных управлениях в Курляндской, Ковенской, Сувалской, Ломжинской, Плоцкой, Варшавской, Калишской, Петроковской, Келецкой, Радомской, Люблинской, Волынской, Подольской и Бессарабской губерниях и в уездах пограничных с иностранными государствами.

Состояла корчемная стража из стражников, младших и старших объездчиков, и, кроме этого, в ряде регионов на усмотрение местного должностного лица вводилась должность «особого смотрителя корчемной стражи». Стать сотрудником корчемной стражи могли лица «всех сословий с назначением в оную преимущественно людей крепкого сложения, не престарелых, сметливых, грамотных и добропорядочного поведения». Представители корчемной стражи обеспечивались особой униформой, у них также было право на ношение холодного и огнестрельного оружия и нагрудного медного знака с надписью «Корчемная стража». Они имели на вооружении шашку артиллерийского образца, револьвер системы «Наган» и трехлинейную винтовку драгунского образца. Чинов корчемной стражи приводили к присяге. Основная задача корчемной стражи состояла в патрулировании отведенной территории с целью «открытия и поимки контрабандных питей». Для выполнения своих обязанностей во вверенных им районах чины корчемной стражи имели право

досматривать «как проходящие обозы и транспорты, так и всех проезжающих и проходящих», а возы с фуражом и другими громоздкими предметами испытывать железными щупами, если это не было сопряжено с порчей клади. Они имели право производить обыски в местах продажи спиртного, а также обыски в частных домах, если корчемник скрывался туда на виду у стражи⁴⁸.

При обнаружении факта провоза на территорию России «контрабандных питей» должностные лица корчемной стражи обязаны были задержать и доставить контрабандистов в ближайший город или селение. В случае оказания сопротивления или нападения чины корчемной стражи имели право применять холодное, а, в крайнем случае и огнестрельное оружие, но запрещалось применять оружие при бегстве корчемников. Задержанных перевозчиков контрабандных питей, которые при задержании не оказали сопротивления, отпускали, если у них были деньги для оплаты штрафа. Конфискованные напитки оценивали и продавали с аукциона. Средства, получаемые от реализации этой продукции, поступали в распоряжение Министерства финансов. При этом половину суммы выделяли для выплат чинам таможи или полиции, а также чиновникам Главного управления неокладных сборов. Имущество задержанных контрабандистов, как-то: «лошади, упряжь, повозки, и пр.» оценивалось и хранилось до решения дела. В случае невозможности «тайных

---

⁴⁸ Кисловский Ю.Г. Контрабанда. История и современность. М. 1996. С. 91.

провозителей питей» выплатить штраф имущество подлежало реализации для компенсации начисленного взыскания. Присужденные штрафы полностью выплачивались «доносителям, открывателям и поимщикам тайно провозимых питей и изделий из вина и спирта, кто бы они ни были (т. е. лица корчемной и пограничной стражи, Акцизного управления или посторонние)». При этом доноситель получал половину начисленного штрафа, а вторая половина делилась поровну между всеми участниками задержания.

Дублирование функций таможни постоянно приводило к возникновению «недоразумений и пререканий между чинами корчемной и пограничной стражи» и даже к прямым столкновениям. В связи с этим в июле 1887 г. были изданы два Циркуляра: № 2020 по Департаменту неокладных сборов и № 233 по Департаменту таможни. В них объяснялись обязанности корчемной стражи и отношения между службами. В частности в Циркуляре № 2020 Департамента налоговых сборов от 9 июля 1887 г. говорилось: «Назначение пограничной стражи заключается в отвращении тайного провоза и проноса всякого рода товаров через границу и тайного перехода границы людьми. Корчемная стража учреждена в местностях пограничных для предотвращения водворения из-за границ контрабандных питей. Но на основании общих правил о предупреждении и пресечении преступлений, корчемная стража не освобождается от обязанности преследования злоумышленников и задержании всякого рода, кроме спир-

та, контрабандных товаров». О взаимоотношениях пограничной и корчемной стражи в этом же Циркуляре сказано, что пограничная стража выполняет свои функции в «двухверстовом расстоянии от границы», для чего имеет исключительное право назначать и расставлять часовых по границе, устраивать секреты и засады. Если чины корчемной стражи узнавали о тайном ввозе или наличии склада контрабандных питей в пределах зоны ответственности пограничной стражи, они обязаны были сообщить об этом на ближайший пограничный кордон, не приступая к самостоятельному задержанию. В двухверстовой территории «корчемная стража непосредственно и самостоятельно принимает все меры к предупреждению и задержанию» контрабандистов⁴⁹.

Что касается бытовавших конфликтов между корчемной и пограничной стражами в Циркуляре от 9 июля 1887 г. было сказано, что существовавший антагонизм между чинами, «призванными к совместному наблюдению за нарушителями, а не для надзора друг за другом влекут за собой только вредные для общего дела последствия». Чиновники, виновные в возникновении конфликтов, подвергались жестким дисциплинарным взысканиям. В случае столкновений между корчемной и пограничной стражами для выяснения причин Акцизное управление назначало «особо уполномо-

---

⁴⁹ Циркуляр от Департамента неокладных сборов от 9 июля 1887 г. № 2020 «Об обязанностях корчемной стражи» // Контрабанда и корчемная стража. Сборник узаконений и распоряжений Министерства финансов / сост. А.А. Евреинов. М.: Тип. Общества полезных книг, арендованная И.Н. Солнцевым, 1900. С. 34–35.

ченных лиц».

На Дальнем Востоке также существовала контрабанда спиртом. Она была наиболее прибыльной для местных приграничных жителей – русских казаков и китайцев. Китайская водка – ханшин, производилась из китайской пшеницы. Она вытесняла российскую своей дешевизной (контрабандный спирт поступал на рынки Дальнего Востока по цене 3 руб. 20 коп. – 6 руб. за ведро, в то время как легальный стоил 15–17 руб.) и крепостью (60°)⁵⁰. 2 апреля 1862 г. последовало решение Государственного совета в отношении китайской водки, запрещавшее ее ввоз и производство. Арестованный напиток должен был уничтожаться. Однако в законе ничего не говорилось об уголовной ответственности контрабандистов. Это облегчало контрабанду. Угроза лишь конфискации задержанной продукции способствовали росту контрабанды дешевого китайского спирта, которая приносила огромные доходы. Китайские общины строили заводы даже российской территории, производя алкогольную продукцию. В 1878 г. в Южно-Уссурийском крае существовало 126 китайских винокуренных заводов. Они производили 63 320 л. китайской водки в год. Китайцы изготовляли ханшин для собственного потребления (25 %) и продажи русскому, а также инородческому населению. В 1887 г. в крае действо-

---

⁵⁰ Алепко А.В. Китайцы в Амурской тайге. Отходничество в золотопромышленности Приамурья в конце XIX – начале XX вв. // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 1996. №1. С. 81.

вало уже 143 завода, выпускавших 75 790 л. спирта, а в 1906 г. – уже 204 завода с объемом производства в 107 120 л. Это составляло на душу населения 16 бутылок в год⁵¹.

В окрестности села Никольского китайцы организовали с десяток подпольных заводов по производству ханшина. На заводах работали корейцы, а потребляли дешевую водку россияне, зачастую женщины и дети. Стремясь хоть как-то бороться с массовой контрабандой водки и табака китайских торговцев, сибирские власти до 1882 г. высылали правонарушителей из России, хотя согласно законам Российской империи они (помимо уничтожения товара) должны были лишь платить небольшой штраф за продажу безакцизной марки. В 1887 г. в нарушение юридических норм (уничтожение безакцизного товара) генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовский продал конфискованную водку с аукциона вместе с лодками и лошадьми, на которых она перевозилась. Эта инициатива была одобрена задним числом, и 1 ноября 1889 г. Министерство финансов даже предложило организовать корчемную стражу на Дальнем Востоке. Проект организации кормчей стражи, однако, пропал в бюрократических коридорах, а китайцы в 1890-х гг. перешли к массовому производству водки для российского населения. В последнее десятилетие XIX в. в Манчжурии появилось 18 заводов по производству спирта, в появлении которых приняли дея-

---

⁵¹ Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока. Конец XIX в. – 1917 гг. М.: Наука, 1989. С. 86–93.

тельное участие капиталы подданных России⁵².

В целом в последний период существования винного акциза, введенного в период правления Александра II, было явно заметно, что он не оправдал возложенных на него задач. Винзаводчики находили различные способы обходить многочисленные новшества, появившиеся в результате либеральных реформ и прекрасно адаптировались к новой системе. Коррупция опять начала проникать в органы власти и достигла примерно такого же уровня, как и при откупной системе. Государство можно было преспокойно обманывать и наживать при этом огромные капиталы. Население при акцизной системе пило больше, так как стоимость водки подешевела, но доходы от продажи вина и водки увеличивались лишь с ростом населения и практически не превышали доходы при откупах. Борьба с финансовыми нарушениями при продаже и производстве спиртного не приносили большого успеха. Между тем российский бюджет требовал новых денежных поступлений. Подготовка к новому переделу мира вызывала необходимость модернизации армии, что существенно повышало затраты на ее содержание. Возникла необходимость введения казенной винной монополии.

---

⁵² Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск, 2003. С. 20.

1.2. Николай II – «маленький царь большой империи». Причины трагедии на Ходынском поле во время коронационных торжеств – водка или случайность?

Казенная винная монополия в России была введена с 1 января 1895 г. в период царствования Николая II Александровича. Он родился 6 мая 1868 г., в Царском Селе. Николай Александрович получил домашнее образование в рамках большого гимназического курса и в 1885–1890 гг. – по специально написанной программе, соединявшей курс государственного и экономического отделений юридического факультета университета с курсом Академии Генерального штаба. Учебные занятия Николая Александровича велись по тщательно разработанной программе в течение 13 лет. Особое внимание уделялось изучению политической истории, русской литературы, английского, немецкого и французского языков, которыми он овладел в совершенстве. Лекции читались выдающимися русскими учеными-академиками с мировым именем: Н.Н. Бекетовым, Н.Н. Обручевым, Ц.А. Кюи, М.И. Драгомировым, Н.Х. Бунге, К.П. Победоносцевым. В довершение образования отец выделил в его распо-

ряжение крейсер для путешествия на Дальний Восток. За девять месяцев он со свитой посетил Австро-Венгрию, Грецию, Египет, Индию, Китай, Японию, а позднее – сухим путем через всю Сибирь возвратился в столицу России. В Японии на Николая Александровича было совершено покушение. По одной версии его ударил шашкой японский фанатик. Он удара у него откололся кусочек черепа. Его рубашка с пятнами крови хранится в Эрмитаже. Начав военную службу первые два года Николай Александрович служил младшим офицером в рядах Преображенского полка. Два летних сезона он проходил службу в рядах кавалерийского гусарского полка эскадронным командиром, а затем последовал лагерный сбор в рядах артиллерии. 6 августа 1892 г. он был произведен в полковники. Мундир полковника Николай Александрович носил всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.